

(Продолжение. Начало смотрите на странице 40)

казалось одутловатым и противным — будто правнук полковника Думы с лицейского портрета... А сейчас что увидишь? Ну, раз Икире это надо...

Марко повел трубой вниз, заплесали в глазах желтые бабочки лунной россыпи на воде. Потом надвинулся сверху черный борт. Над бортом у поручня горел фонарь в проволочной решетке (Икира правду сказал!). У фонаря темнела перевернутая фигура — видимо, вахтенный. Лица и нашивок не разглядеть... Марко вновь повел трубой. Выступили из тьмы освещенные фонарем броневые листы с клепками и медное кольцо иллюминатора. Может быть, удастся что-то разглядеть в круглых оконцах — если где-то включен свет?

Марко шевельнул трубу еще ниже. Перестарался. Черный борт показал нижний край и свое отражение. А дальше — опять пляска сверкающих бабочек.

— Что-нибудь видно? — выдохнул Икира с вежливым нетерпением.

— Сейчас. Подожди... Ой!

— Что?!

— Кто-то прыгнул с борта!

В телескоп казалось, что не прыгнул, а взлетел. В гущу лунных огоньков. И замахал руками

— Куда прыгнул?! — Икира чуть не слетал с бурета.

— Плышет... На, взгляни...

Икира прилип глазом к окуляру.

— Да, плышет. К берегу... А зачем он?

— Откуда я знаю... — И в этот миг словно застучали молотками по железу. Часто и безжалостно. Там, вдалеке, на крейсере.

— Стреляют! Марко, это пулемет!

Марко толчком плеча отодвинул Икиру. Увидел опять голову и машущие руки пловца. Вокруг головы вспыхнули фосфорические фонтанчики, а через несколько секунд вновь застучали молотки (долетел звук!). Икира крупно задрожал рядом. Марко обнял его за плечо, прижал.

— Не бойся, это далеко...

— Это мы далеко. А он... Дай взгляну!

И взглянул, и вздрогнул опять от нового железного стука.

— Марко, зачем они?..

— Наверно, это дезертир. Не хочет воевать вместе с ними...

— Они его убьют!

— Может, промахнутся...

— Он им весь виден! Посреди света!

— Это мы видим посреди света. А они-то смо-

трят с другой стороны... Отплывет подальше и затеряется...

— А если включают прожектор?

— Почему-то не включают... Наверно, заржавел. Или энергию берегут...

Икира снова сунулся к окуляру. И снова застучал пулемет.

— Ой! — громко сказал Икира. — Его, кажется, ранили! Смотри!

Теперь пловец двигался неровно. Расталкивал воду плечом, взмахивал одной рукой.

Больше не стреляли. Может быть, задетый пулей матрос ненадолго скрылся под водой и на крейсере подумали, что «готов»?

— Марко, он дотянет?

— Конечно. Моряки хорошие пловцы, — утешил Марко не Икиру, а себя.

— А как ты думаешь, куда он плывет?

— Наверно, к самой близкой суше. Туда, где стенка и башенка...

Это было место, где Марко встретился с матросом Володей.

— Бежим! — сказал Икира.

— Куда?

— Туда! Он доплывет, а кто ему там поможет? Раненному... — И вдруг (или это показалось?) Икира всхлипнул.

— Бежим!

Пловец

Они бежали, забыв запереть комнатку с телескопом и не отдав тете Зоре ключ от школьной двери. До берега было около мили. Только на полпути, когда не хватило «дыхалки» и перешли на быстрый шаг, Марко сообразил:

— Икира, ты давай домой. Я там... разведать один...

Не дерзко, печально даже Икира сказал:

— Ты дурак, да?

— Вот как дам по шее!

— И будешь хихила...

— И не буду! Потому что...

— Почему?

— Тебе туда нельзя.

— А тебе можно?

— Можно. Я... уже большой...

— И глупый, — с прежней печалью сообщил Икира.

— Нет, я правда стукну... А если они из пулемета по берегу? На всякий случай!

— Ну и что?

— И попадут в тебя...

— А если в тебя? — часто дыша, спросил Икира.

— Я же говорю: я большой...

Икира сказал:

— В большого легче попасть... Марко, не злись, что я спорю. Только в одиночку туда никому нельзя. Если с одним что-то делается, другой поможет... И раненого, если найдем, никто из нас один не утащит.

Рассудительный Икира был прав. И он добавил еще:

— Мы будем там осторожно. Спрячемся за камнями...

— Ага, спрячешься ты. У тебя штаны сверкают... как алюминиевая кастрюля. Живая мишень...

— Я сниму! — Икира на ходу выскочил из шортиков и скрутил их жгутом. Остался в темных плавках.

Ну, что с ним было делать? И... по правде говоря, ох как не хотелось Марко соваться под обрывы одному.

«Уложу его за стенкой носом в гальку и велю не подымать голову», — решил он.

По дорожке между маленьких кипарисов подошли к площадке, где начинался спуск. запрыгали вниз по крутым камням-ступенькам. Марко — впереди, чтобы в случае чего подхватить Икиру.

Луна сияла, размотанное в широченную полосу отражение горело, крейсер с чуть заметными огоньками чернел. «Интересно, видят нас отсюда или нет? То есть не интересно, а... чертовски страшно. А Икире? Наверно, тоже. Хотя он в сто раз храбрее меня... Нет, не должны видеть, мы в тени...»

Было тихо, только щелкали на лестнице сбитые вниз камушки...

Наконец спустились на пляж. Мелкая галька стала липнуть к ступням. А попадалась и острая щеченка. Икира смешно взлягивал.

— Пригнись, — велел Марко. — Как скомандую «раз-два-три» — бегом за мной к стенке.

— Да...

— Раз... два...

При слове «три» он рванул через освещенное пространство к темной каменной кладке. Через груды сухих водорослей. Они пахли гораздо сильнее, чем днем. Блохи брызнули лунными искрами.

Икира не отстал. Они вдвоем упали ничком в узкую тень за стенкой.

Потом подняли головы.

— Дыши тише, — велел Марко. А сердце стучало как те пулеметные молотки. — Слушай...

Икира перестал дышать совсем. Но через несколько секунд шепнул:

— А что... слушать?

— Какой-нибудь плеск или шорох... или глос... — «Или стон», — чуть не добавил он. И сдержался; не надо прибавлять страха Икире (и себе).

Но услышали они именно стон. Правда, не сразу. Вначале стояла полная тишина. Даже море не плескало. Только высоко за обрывом продолжали звучать цикады и (вот удивительно!) была чуть слышна музыка далекой дискотеки. Сколько времени прошло — не понять. «Придется обшаривать берег, — подумал Марко. — Икиру оставлю здесь на страже, а сам поползу среди камней...» — Он опять вспомнил про пулемет. В этот момент донесся звук. Тихий и тягучий. Как бы ползущий вдоль стенки.

— Марко, слышишь?

— Да...

— Это там, в развалине...

— Да...

— Ползем?

«Останься здесь», — хотел приказать Марко, но понял, что Икира не послушает. Или смертельно обидится.

— Ползем... Но если я велю, сразу мчись навстречу, зови на выручку кого угодно, не жди меня. Ты понял?

— Я... понял.

Поползли. Марко — впереди. Галька щелкала и погромыхивала под коленями и локтями. Казалось, она вся превратилась в острый щебень. Груды водорослей подбирались с боков, цапались, щекотали. «Как их терпит голый Икира?»

Наконец нависла над ними тень развалившейся каменной хибары. Новый стон отчетливо послышался внутри.

Марко совсем не героически прижался к стенке. Но Икира приподнялся и звонко, без всякой боязни спросил:

— Вы ранены?

Было тихо сначала. Потом человек в развалинах хрипло и с натугой спросил:

— Браток, ты один?

— Нас двое, — сказал Марко. Потому что нельзя же, чтобы маленький Икира был смелее, чем он. А слово «браток» отдалось в нем так знакомо... — Мы идем. — Он взял Икиру за руку, и последние несколько шагов они сделали, не сгибаясь и прижавшись друг к другу. Обогнули хибару, шагнули в пролом.

Луна светила в остатки круглого помещения сверху. Человек лежал у стенки, затылком упирался в камни.

— Вы ранены? — спросил на этот раз Марко (а сердце стучало, стучало; у Икиры, кажется, тоже...).

Похоже, что человек усмехнулся сквозь боль:

— Зацепили сволочи... Хлопцы, у меня сразу две просьбы...

— Какие? — выдохнул Икира.

— Не выдавайте, ладно? И... помогите, если можете.

Марко сел рядом с раненым на корточках. Икира — в ту же секунду — рядом. Зеленоватый свет обрисовывал круглое лицо с пухлыми губами и прикрытыми веками.

— Володя? — сказал Марко.

Веки приподнялись, глаза блеснули.

— Неужели почтальон? По голосу слышу... Выходит, судьба...

«И правда, судьба...» Марко почти не удивился, что это именно Володя. Словно какие-то силы специально раскручивали события, чтобы опять свести знакомого матроса и Марко в этих развалинах.

— Куда попало? — проговорил Марко и закашлялся. В горле застряли шероховатые шарики.

— Сзади... в плечо. В левое...

— Повернись, — велел Марко, поражаясь своей решительности. Володя застонал и стал переворачиваться. Икира и Марко, как умели, помогли ему. Володя лег на живот. Мокрая форменка и широкий матросский воротник прилипли к спине. Марко пригляделся. На темной ткани форменки ничего не было видно. Марко пошарил вокруг, нащупал среди камней острый осколок стеклянного шара-поплавка, выброшенный сюда штормом. Начал им, как первобытным ножом, кромать материю. Неумело, но храбро и сильно. И казалось, что делает это не он, а кто-то другой, в кино про войну, а Марко со стороны смотрит на экран...

В ткани появилась прореха.

— Икира, помоги... оторвать...

Икира вцепился, потянул вместе с Марко... Так они то пилили стеклом, то тянули ткань и наконец вырвали из форменки клоч. Тельняшки не было, засветилась голая кожа. На ней Марко увидел черную дырку. От нее тянулась размытая темная полоса. Володя снова застонал. Икира всхлипнул.

— Не бойся, — сказал сквозь зубы Марко.

Икира всхлипнул опять:

— Я не боюсь. Просто я... раньше не видел...

— Я тоже... Ничего, это не смертельно... — Так он хотел успокоить Икиру и Володю. И себя...

«А я, кажется, и правда не боюсь. Почему я будто замороженный? Кажется, это называется

«шок». Потом буду трястись и реветь. Так пишут в книжках... Ладно, лишь бы выдержать сейчас...»

— Это не смертельно... — снова сказал он. Хотя как знать? Может быть задета важная артерия. Кровь иногда черными шариками выскакивала из пулевого отверстия. Марко снова задержал стеклянным ножом.

— Икира, тяни...

Тот, всхлипывая, потянул. Они сорвали с Володи матросский воротник. Володя коротко постонал.

— Потерпи, — сердито велел Марко.

— Да... Спасибо, ребята...

— Пока не за что... — процедил Марко.

У темного, с полосками, воротника была белая подкладка. Марко с Икирой оторвали ее. Икира всё всхлипывал, но, кажется, сам не замечал этого. От подкладки рванули лоскут. Марко свернул его в несколько раз, положил на рану.

— Икира, найди плоский камень...

Икира был молодец и умница. Тут же нащупал рядом плитку известняка. Марко прижал ей к раненному плечу самодельный пластырь.

— Это на минуту... Икира, рви...

Воротник и его подкладку они растерзали на полосы. Марко связывал их, а Икира подавал, как помощник пулеметчика подает ленты. Все трое шумно дышали. Икиро и Марко — часто, Володя — медленно и хрипловато.

— Приподнимись, — велел Марко.

Володя помычал, уперся локтями и приподнял тело над каменным полом. Марко протащил у него под грудью самодельный бинт.

— Икира, тяни...

Отбросили плитку, прижали матерчатой лентой потемневшую накладку. Затем протянули под Володей бинт еще раз и снова прижали им пластырь. Марко стянул рифовым узлом два конца у Володи под мышкой.

Передохнули.

— Двигаться можешь? — спросил Марко.

— Надо идти?

— Сперва надо ползти. До лестницы... Под стенкой... Чтобы не увидели с вашей лоханки...

— С «нашей»... — Через силу хмыкнул Володя. — Ладно... поползем...

— Икира, давай вперед...

И они поползли.

Икира впереди — как растворившаяся в узкой тени ящерка.

За ним Володя — с хрипами и обрывочными ругательствами. Марко полз рядом и придерживал бинт на Володином плече, тот все время норовил съехать.

Сколько ползли — не понять. Долго. Но луна по-прежнему висела на высоте. «Хоть бы ты провалилась куда-нибудь», — сказал ей Марко.

Наконец добрались до расщелины, в которой начинались ступени. Здесь была тень. Но была и крутизна.

— Володя, ты сможешь шагать? Вверх...

— Наверно, это проще, чем на пузе... — Он пытался держаться бодро. Встал, качнулся, взялся за скальный выступ. — Ноги вроде бы держат. Малость в голове плывет, но... как-нибудь.

Икира шёпотом спросил:

— Марко, а потом... куда?

— В школу, конечно. Это ближе всего... И тети Зоря когда-то работала санитаркой...

Икира положил руку Володи себе на плечо. Это было всё равно, как если бы стелек подставился под валун. Однако Володя сказал:

— Спасибо, браток.

Марко запоздало объяснил:

— Икира, это Володя, который дал мне письмо... и медаль...

— Я догадался... — Икира уже ничуть не всхлипывал.

Марко встал с другой стороны от Володи. Тоже подставил себя под тяжеленную ладонь матроса. А своей ладонью прижал к его плечу повязку с пластырем — чтобы снова не съехала. Сквозь материю проступила липкая сырость.

— Пошли... — нервно дернулся Марко.

Они зашагали со ступени на ступень, с камня на камень. Володя, как и раньше, дышал хрипло и нервно. Иногда говорил: «Постоим». Наверно, слишком сильно «плыло в голове». Потом он толчком делал новый шаг...

— Очень больно? — вдруг спросил Икира.

Володя ответил не сразу, будто прислушался к себе.

— Не очень... Только непонятно: засела пуля внутри или прошла навылет... Спереди дырки вроде бы нет...

— Наверху разберемся... — пообещал Марко. Боль в ногах, усталость в каждой мышце стали уже тупыми и привычными. Он подумал: «Все равно когда-нибудь это кончится...»

Но кончилось не так, как он надеялся. Володя вдруг попросил:

— Пойдите-ка, хлопцы, присяду... чтобы не лечь...

Его усадили на ступень. Прислонили спиной к вертикальной глыбе.

— Что-то совсем повело меня... не туда... — выговорил он, будто извинялся... — Надо передохнуть.

До верха оставалось всего ничего. Но Марко понял, что Володя больше не сможет идти, сколько бы ни отдыхал. Кровь-то не останавливалась, несмотря на повязку. И, наверно, он ее немало потерял еще в воде.

— Икира...

— Что? — Икира словно встал навытяжку.

— Давай бегом в школу. У тети Зори есть тележка, она в ней возит продукты для буфета... Прикажи сюда. Погрузим Володю, довезем... Или ты очень устал?

— Не устал... — Икира прыгнул вверх и вдруг оглянулся: — Марко, я разбуду Юрия Юрьевича. И скажу всё как есть...

— Правильно! Беги!

Икира (неутомимый и храбрый!) исчез, а Марко подумал, что малыш умнее его в сто раз. Даже мудрее... Потому что поднять директора — было самое правильное решение.

У директора средней школы в поселке Фонари была фамилия Гнездо. Очень для него подходящая. Худой, высокий и длинноносый — напоминал он аиста. Вернее, сразу пару аистов, потому что был стремителен и порывист и как бы раздваивался в движениях. Казалось, что эти аисты стоят в гнезде и что-то выясняют друг с другом. Был он одинок, с женою давно разведен, дети разъехались. Жил при школе и ей отдавал энергию, которой сохранил еще немало в свои пятьдесят пять лет.

Он любил математику, поселок Фонари и шумную школьную братию, которая вся, от первокурсников до выпускников, знала: «Наш Гнездо — лучше всех от и до!» При этом, разумеется, ставился торчком большой палец.

Он сроду не жаловался на ребят родителям, заступался за них перед нервными наставницами, иногда дурачился с малышами, а со старшеклассниками вел беседы о смысле человеческого бытия. Не всегда убеждал их, но все равно был «от и до». Порой злился, но не надолго. Его угроза выдрать двух политических оппонентов девятиклассников была, конечно же, просто ораторским приемом. Впрочем, весьма убедительным...

Директор искренне обрадовался, когда Марко вернулся из столицы:

— Правильное решение. Умные люди в провинции нужнее, чем в избалованных мегаполисах...

Марко решил напроситься на похвалу:

— А я умный?

— Временами, — хмыкнул Гнездо.

«Как он посмотрит: по-умному ли я поступил сейчас?.. Ну, не совсем же по-глупому! Ведь не было же выхода!.. Но, наверно, он скажет, что я не имел права тащить с собой Икиру... Конечно, не имел. За это влетит. Ну и пусть...»

Марко сел рядом с Володей. Тот шевельнулся.

— Э тот, маленький... он твой дружок?

— Да...

— У меня братишка такой же... шустрый и костлявый... Не знаю, увидимся ли после всего...

— Увидитесь, — пообещал Марко.

— Письмо-то отослал?

— Сразу же...

— Спасибо...

— А почему ваши... нюшкинцы то есть, стали днем стрелять по берегу?

— А черт их знает... Психи. Капитан псих и старпом...

«Чуть меня не накрыли», — едва не сказал Марко. Но вместо этого спросил:

— А чего ты сиганул с крейсера? Не ужился?

— Дал по морде старпому...

«Нехорошо», — хотел пошутить Марко, но понял: Володе не до трепа.

— Дай посмотрю плечо... — Повязка набухла еще сильнее. — Сильно болит?

— Болит сволочь. Сильней, чем прежде...

— Ну-ка... — Марко осторожно положил на сырой бинт ладони. Постарался, чтобы дрогнули струнки. Они... дрогнули. Марко представил, что они — частичка мировых струн, прошивающих весь мир. И Володю. Может, и его струнки — пускai и порванные пулей — отзовутся?

— Смотри-ка... — шепнул Володя удивленно.

— Что?

— Полегчало... Значит, ты это... умеешь?

— Иногда...

Сверху запрыгали камешки, зашуршало.

«Как они быстро... Или это кто-то чужой?»

Это были свои. Первым спрыгнул Икира. За ним — вполне по-молодому — директор Гнездо. Сказал официально:

— Марко Солончук, поддержи сумку... — Затем нагнулся над Володей, включил пальчиковый фонарик с тонким лучом. — Тэк-с... Знакомая ситуация. — Иванко Месяц, поддержи, фонарь...

Он достал складной нож.

— Придется лишить пациента остатков обмундирования... Молодой человек, отодвиньте спину от камня. Мальчики, помогите...

Икира и Марко помогли Володе «отклеиться» от ракушечного выступа.

Директор лезвием (видимо, очень острым) полоснул по бинту, потом по лохмотьям форменки.

Отбросил их. Убрал с Володиного плеча набухший тампон.

— Ясно. Помощь была оказана не совсем умело, но старательно... Марко, открой сумку.

Марко торопливо откинул крышку на холщовой торбе. Юрий Юрьевич запустил руку. Вытащил пакеты в хрустящей упаковке — вату и бинт.

— Икира-свет, поддержи... — И снова посветил на Володино плечо. — Да, без медицины не обойтись...

— Только властям не говорите... — шепотом проговорил Володя.

— Властям не скажем. Ни тем, ни другим... Поскольку это совершенно не их дело... Это... абсолютно наше внутреннее дело, до которого ни властям, ни... общественности нет никакого касательства... Не правда ли, дети? Молчание помогает держать в стабильности нервную систему. Такая стабильность особенно полезна тем, у кого утром годовой диктант... Надеюсь, шестиклассник Солончук не забыл об этом мероприятии, пускаясь в ночные авантюры?

Шестиклассник Солончук о диктанте совершенно забыл, но сейчас шепнул, что «конечно, нет».

Говоря без остановки, Юрий Юрьевич залил рану жидкостью из черного пузырька («пациент» громко замычал) и с ловкостью опытной медсестры перевязал Володино плечо. Икира светил.

— Марко, голубчик, все тряпки и обрывки в сумку. Чтобы не оставлять следов. Ситуация как в романе Диего Переса об испанских контрабандистах... Молодой человек, вы сможете одолеть несколько ступеней?

Володя толчком встал. Кажется, излишне храбро. Замычал опять, покачнулся...

— Ложитесь мне грудью на спину.

— Я вам куртку кровью испачкаю...

— Она была уже испачкана кровью много раз. В том числе при переделке под Саида-Харом... Впрочем, вы тогда еще не родились... Ложитесь...

Володя навалился на Юрия Юрьевича.

— Давайте, мы поможем, — неуверенно предложил Марко. Хотя сам не знал — как.

— Помогите. Скачите наверх и приготовьте кабриолет. Иначе говоря, телегу...

Они оба, словно появились новые силы, рванули наверх.

Тележка была крупная, на велосипедных колесах, с фанерным коробом. Передняя стенка короба оказалась откинутой, так что и готовить нечего.

— Юрий Юрьич меня прямо в ней сюда докатил, — признался Икира. Сказал: «Ты измотал»

ся». Я не хотел, а он меня... в охапку: «Сиди...» И бегом...

На обрыве показался директор с повисшим на нем Володей.

— Люди, берите его за ноги... А я под мышку... Раз два...

«Сильный. А ведь почти старик...» — подумал Марко. Седая гладкая прическа директора блестя под луной.

Володю уложили спиной в тележку. Кажется, он был без сознания. Разбухшие ботинки ударились о фанеру передней стенки — она держалась горизонтально.

— Передохнем секунду, — вдруг сказал директор Гнездо. — Что-то внутри застучало невпопад. Я, ребята, уже не тот...

— Тот, — отчетливо сказал Икира.

Юрий Юрьевич хмыкнул, провел по серебряным волосам ладонью, словно Луна припекала голову. И вдруг спросил:

— Иванко-свет, не мог бы ты сказать своей родственнице, чтобы не сияла так бессовестно. Хорошо, что нет никого поблизости, но ведь могут встретиться. Начнутся расспросы...

«А ведь Икира-то — «Месяц!» — сообразил Марко. — Правда, лунная родня...»

Икира ничего не сказал, но так уж получилось, что единственное в небе перистое облачко наехало на Луну. Свет ее сразу потускнел.

«Совпадение? Или...» Всё вокруг было необычным, и всякие «или» не казались удивительными.

— Спасибо, друг мой, — серьезно сказал Юрий Юрьевич Икире. — Двинулись...

Втроем навалились на перекладину, соединявшую трубчатые «оглобли». Директор сказал, что придется ехать не широкой улицей, а переулками, так меньше риска встретиться с поздними прохожими.

— Ну, а если уж встретятся, скажу, что провожал вас после астрономических бдений и наткнулись мы на незнакомого пьяного господина. Везем, чтобы отоспался в сарае...

К счастью, никто не встретился. Вкатили тележку на школьный двор. Там ждала тетя Зоря. Молчаливая, деловитая. Открыла широкую дверь сарая со школьным имуществом.

— Я все приготовила, под полом... Внизу надежнее. Вдруг пошлют людей с корабля вынюхивать вокруг...

В половицах был открыт люк, светился желтым квадратом. Тележка подъехала прямо к нему. Володя очнулся и через силу сказал, что спустится на своих ногах. И спустился. С помощью Юрия Юрьевича и Марко. А внизу опять зашатался, тетя Зо-

ря поймала его в охапку. Уложила на застеленный простыней топчан. Икира поправил под Володиной головой цветастую подушку.

Марко расшнуровал на Володе тяжеленные ботинки, стянул, бросил в угол. Запахло сырой кожей. Володя лежал, закрыв глаза. Бинт резко белел. Директор посмотрел на Володю, на тетю Зорю.

— Зоря Павловна, голубушка, сходите-ка, разбудите доктора Канторовича... Чем скорее, тем лучше...

— И то дело... — тетя Зоря с непривычной для нее резвостью взбежала по лесенке.

Марко вдруг понял, что — всё, финал. Они с Икирой больше не нужны. И резко захотел спать. Услышал сквозь навалившуюся слабость:

— Теперь — шагом марш по домам. Вернее бегом. И больше никаких приключений...

— Да, — сказал Икира.

Они поднялись, вышли из сарайчика. Луна опять горела, как прожектор, хотя висела пониже.

Марко потрянул головой, бормотнул:

— До свиданья.

— Спокойной ночи... Проводи Месяца до дома.

— Конечно...

— Шагайте... Хотя, подождите. Изложите-ка в двух словах, что вас понесло на берег?

Марко снова мотнул головой, прогоняя сонливость. Изложил. В двух словах. Мол, смотрели на большую Луну, потом взглянули на крейсер, увидели, как прыгнул матрос, услышали пулемет. Поняли, куда выплывет беглец, если уцелеет... Ну и побежали...

— И больше ни о чем не подумали?!

— А... о чем?

— Могли бы сразу ко мне заскочить.

— В голову не пришло, — вздохнул Марко.

— Хорошо, что хотя бы потом пришло...

— Это Икире... — прошептал Марко.

«Сейчас он скажет: зачем потащил малыша с собой?»

Юрий Юрьевич этого не сказал. Глянул на Икиру.

— А ты, свет мой Иванко, совсем решил стать Маугли? Я смотрю, уже и от штанов отказался.

— Ой! Вот его штаны! Они демаскировали... — Марко вытащил из кармана белый жгут. Раскрутил. — Икира, держи...

Тот обрадовано прыгнул в шортики, разгладил их ладонями.

— Ладно, ступайте... — устало сказал директор. — И подумайте, что с вами следовало бы сделать за все эти фокусы. Вернее, с тобой, Солончук.

Икира по малолетству серьезным санкциям не подлежит...

— Почему это? — обиделся Икира. — Я под... подлежу... подлежу...

— Ну? — поторопил Марко директор.

— Надрать уши? — с печальным пониманием спросил Марко (и вспомнил уши Кранца-Померанца). Героем себя он вовсе не чувствовал.

— Как минимум... Хотя с другой стороны... В старых романах вопрос решался диалектически...

— Как? — опасливо пискнул Икира.

— То есть с двух сторон. Герою говорили: «За храбрость получите именное оружие, а за нарушение дисциплины отправитесь на шесть недель в крепость под арест...» — Юрий Юрьевич опять оживился. — Однако держать вас под арестом негде. И кормить нечем... А оружие... Пожалуй, для Солончука я найду в кладовке ржавую рапиру из театрального реквизита... Отчистишь сам... А Месяцу подарю большую рогатку, которую недавно отобрал у Анастаса Галушки. Дубина такая, восьмиклассник, а стрелял с берега по чайкам...

— Я никогда не стреляю по живому, — сумрачно сообщил Икира.

— Я знаю. Потому и подарю. Будешь тренироваться, сшибать созревшие яблоки в саду. Можно в чужом...

— Ладно... А правда, подарите?

— Хихилой буду...

Посмеялся. Марко хотел спросить, правда ли и насчет рапиры, но вдруг зябко дохнуло на него беспокойство.

— Юрий Юрьевич! А ведь доктор Канторович... Он же тогда на собрании в клубе говорил всё против Империи. Что НЮШ во всем прав и хорошо сделал, что прислал крейсер! Он... никому не сообщит?

Директор потрепал Марко по плечу.

— Душа моя, доктор Канторович — врач. Настоящий. Такие врачи не занимаются доносительством, они выполняют свои врачебные обязанности... А кроме того, мы учились в одном классе. И у нас была кровка...

Кровка

Марко проводил Икиру. Помог ему влезть в открытое окошко. В доме было тихо, значит, его мама не заметила, что ненаглядный сын гуляет среди ночи.

Марко пробрался в свою «хижину». Зажег лампочку. Мамочки мои, рубашка вся изжеванная и

перемазанная на груди кровью. Марко скомкал ее и сунул под кровать. Упал на одеяло и провалился во тьму.

...Разбудила его сестрица Евгения. Постучала в стекло открытой створки. Марко проснулся ментально. И сразу все вспомнил. Тряхнул головой и сел. Пяткой толкнул подальше под топчан перемазанную рубашку.

Женька торчала в окне, как в портретной раме.

— Чего тебе?

— Ты не забыл про диктант?

— Рехнулась, да? Он в десять часов, а сейчас... — Марко глянул на будильник, — восьми нет...

У Женьки-то контрольная начиналась в девять, поэтому сестрица была уже во всей красе — в белом платье с кружевами у шеи. И не в «мини», а в нормальном. Она сказала:

— Мама ушла на рынок и велела тебя разбудить. Иначе ты не поднимешься и к обеду.

«И не поднялся бы. После всего, что было... Фиг с ним, с диктантом, но как там Володя?»

Женька прошлась по брату глазами.

— Папуасское чудовище... Оденся по человечески.

— Зануда какая... — Марко дотянулся до тумбочки, вытащил бирюзовую водолазку с белой полосой у ворота. Вполне парадная одежда. Натянул...

— Довольна? — Лишь бы не спросила о рубашке. Любит соваться, куда не надо.

— Надень длинные штаны...

— Я, по-твоему, ненормальный?

— Посмотри на свои ноги. Будто по колючей проволоке ползал...

— Там и ползал...

— Все будут смотреть и удивляться.

— Пусть... Кто слишком удивится, скажу: ездил в Мексику, гулял среди кактусов...

— Я тебе серьезно говорю...

— И я серьезно... У меня в кармане на старых штанах джольчик лежит. Его перед опасным делом нельзя в другое место перекладывать, плохая примета...

— Диктант — опасное дело? — хмыкнула она.

— А контрольная? Зачем у тебя на шее камешек-дырчик?

— Мало ли зачем... Надень хотя бы чистые носки.

— Это сколько угодно... — Марко выдернул их из тумбочки. Светло-синие, с белыми полосками, под стать водолазке. Натянул, поболтал ногами. — Видишь, какой я послушный...

— Вредный, как бродячий петух... Будешь умываться и завтракать — водолазку сними, а то перемажешь...

— Слушай, зачем тебе морской институт? Иди в гувернантки. У тебя призвание... — сказал Марко. Но водолазку снял.

— Хочешь, принесу яичницу и молоко? — примирительно спросила Евгения.

— Иногда ты бываешь вполне порядочным человеком. Когда постараться...

Он умылся под шлангом на огороде. А в голове все царापалось: «Что с Володей?» Но в конце концов он же там не один! С ним взрослые заботливые люди!..

Когда Марко вернулся, на подоконнике стояла тарелка с горячей глазуньей и кружка, накрытая пшеничным ломтем. И даже про вилку Женька не забыла! Нет, она в самом деле ничего сестрица!

Марко стоя сглотал яичницу, взял кружку, сел на постель. И в этот миг в окне возник Икира. Осторожно сдвинул тарелку, сел на подоконник верхом, покачал коричневой ногой (такой же исцарапанной, как у Марко). Прислонился теменем к оконному косяку. Глянул непонятно.

— Ты чего? — забеспокоился Марко. — Я думал, ты еще спишь изо всех сил...

— Я вообще не спал... — шёпотом отозвался Икира.

— Почему?

— Так... Думал...

— Переживал? — с пониманием сказал Марко. — Не бойся. Всё с ним будет хорошо...

— Марко, я не *про него*... Я про тебя...

Марко быстро поставил кружку на тумбочку.

— Икира, что случилось?

Икира перекинул через подоконник вторую ногу, сел к Марко лицом. На фоне яркого окна лицо было плохо различимо. Он сказал:

— Ничего. Просто думал...

— Иди сюда.

Он сразу подошел. Встал перед Марко, тоненький, прямой, только голова — носом вниз. Подергал кромки белых штанишек, потрогал на груди ожерелье-джольчик (и как он его не порвал, не потерял вчера?!). Подышал тихонько и часто. Вскинул глаза. Теперь видно было — какие лиловые.

Марко прошептал осторожно, с боязнью даже:

— Почему ты... думал про меня?

Икира переступил босыми ногами, съезжил плечи, но глаз не отвел.

— Потому что... Я хотел... Марко, давай сделаем кровку.

Вот оно что...

В таких случаях глаза не отводят. Говорят «да» или «нет».

«Кровка» — это клятва о крепкой дружбе. На всю жизнь. Кровкой соединяют себя не все. Даже не многие. Потому что не каждому это надо. Можно прекрасно жить и без клятв. Из всех Маркиных знакомых кровка связывала только Пикселя и Топку (может, и еще кого-то, но Марко не знал, про это не принято говорить). Большинство были просто друзья-приятели, и вполне их это устраивало. И Марко устраивало. А чего такого? Хорошие ребята с Маячной улицы, не вредные не драчливые. Когда надо, помогут в трудном деле. Можно им и кое-какие тайны доверить. Ну, не все, конечно. Про клипер со струнами рассказывать не стал бы он никому... Разве что Юнке. Но где она, Юнка? И, к тому же, с девочками не заключают кровку, это чисто мальчишечий обычай.

Давний обычай...

В прежние времена при такой клятве укалывали булавкой или ножиком друг другу палец, смешивали две красных капельки в одну, сцеплялись мизинцами и вместе говорили:

*Кровка-кровка,
Божья коровка,
Крылышки слепила,
Нас соединила!*

Считалки-заклиналки про божью коровку известны во всем мире и с давних времен. Помните, еще Том Соьер, американский мальчик из девятнадцатого века, проснувшись на необитаемом острове, пугал коровку стишками:

*Божья коровка,
Полети на небо,
В твоём доме пожар,
Твои дети огни...*

В нашем времени коровок так не пугают. Если и обманывают, то безобидно:

*...Полети на небо,
Там твои детки
Кушают конфетки...*

Закливание для кровки родилось, видимо, из этих же считалок. Вполне подходящее. Ведь у божьей коровки два красных крылышка. Она сложит их вместе — и как одна капелька крови. Одна на двоих...

Потом обычай колоть пальцы исчез. Больно все-таки, а среди тех, кто заключал кровку, были иногда и совсем небольшие пацанята. И появилось

решение, что можно обойтись без уколов. Достаточно слов. Слово, оно ведь крепкое и без крови...

Марко, как вчера, ночью, взял Икиру за горячие локти, придвинул ближе.

— Ты... это по правде?

— Да... — Икира вдруг заморгал и отвернулся. Сказал ели слышно:

— А что?.. Я не гожусь? Маленький, да?..

Локти его стали еще горячее, тепло от них через ладони Марко пошло по всем жилкам.

...Вот ведь как случается. Бегал среди ребят девятилетний коричневый пацаненок, веселый добрый, всеми любимый, но и только. Один из многих. И вдруг — большая луна, берег, раненный пловец. Насквозь просвеченная зелеными лучами ночь. Одна на двоих опасность, один страх... Одна радость спасения... Или дело не в этом? Дело в *струнках*?

— Ты... очень годишься...

«Скорее уж я не гожусь. Потому что ты смелее, честнее, добрее...»

— И совсем ты не маленький, а такой же, как я... три года назад. Какая разница...

Икира опять глянул прямо. Локти дрогнули и затвердели.

— Тогда... значит «да»?

— Да.

— Тогда... давай?

— Давай. Помнишь слова?

Икира кивнул так, что спутанные локоны слетели на лицо, он рывком голы отбросил их. И снова глянул Марко в лицо.

Оба сказали разом:

Кровка-кровка,

Божья коровка,

Крылышки слепила,

Нас соединила...

Вот и все. Был просто Икира, а теперь...

Марко крутнул Икиру, посадил рядом. Встряхнул. Но тот все еще был напряженный и словно чего-то ждущий. Помусолил палец, потер царапину на запястье. Быстро глянул сбоку:

— Я боялся... вдруг ты не захочешь...

— Зря боялся...

А что еще сказать? И Марко спросил:

— Икира... а у тебя еще с кем-нибудь есть кровка?

Тот удивленно отодвинулся.

— Нет, конечно! С чего ты взял?

— Ну... я подумал: может со Слоном...

— Не-е... — выдохнул Икира. — Слон слишком взрослый.

— Ну и что? Разве со взрослым нельзя?

Икира опять потер царапину.

— Слон хороший. Но он застенялся бы говорить... про божью коровку. Сказал бы, но не всерьез... А мы ведь всерьез?

«А ты ведь всерьез?» — стрункой прозвучал в нем вопрос.

— Само собой, — ответил Марко со спокойной твердостью. Как бы поставил точку в этом вопросе.

Но Икира пока не поставил:

— И потом еще...

— Что? — Марко опять поежился от беспокойства.

Очень вдумчиво Икира объяснил:

— Это ведь не со Слоном, а с тобой вчера я... Ты спасал человека, а я помогал...

— Мы вместе одинаково спасали... Хочешь молока? Ты, наверно, с вечера ничего не ел.

Икира приподнял коричневые плечики.

— Ну и что? Я почти никогда не ем...

— Как это никогда? Ты чего сочиняешь!

— Я не сочиняю. Мне хватает побегать под солнцем. От его лучей набирается сила...

— Икира! Это правда, или ты...

«Дурацкий вопрос! Он же никогда не врет!»

— Конечно, правда. Я думал, это все знают...

— Я не знал...

— Я иногда сажусь за стол, жую чего-нибудь, чтобы маму не расстраивать. Но мне это не надо...

— А если зимой?

— Ну и что? Выскочу на двор без рубашки, поверчусь немного, мне хватает...

— Слушай, а ты случайно, не пришелец? Может, мама тебя нашла в зарослях? Помнишь кино про звездного мальчика?

Икира засмеялся. Вдруг потянулся, откинулся, лег на постель, вытянув ноги за спиной у Марко. Потом рассудительно сказал:

— Какой же я пришелец? Я наоборот... весь здешний. Вот как эти камушки... — он тронул свои бусы. — Или травка икира... Мне поэтому и умирать не страшно...

— Ты в своем уме?! — перепуганно взвинулся Марко. — Зачем тебе умирать?!

Икира объяснил, глядя в потолок:

— Да ни за чем. Просто иногда думается про такое... Ну, про это ведь все думают. Некоторые боятся... А я не боюсь, потому что всегда останусь куточком этой земли. Она во мне, я в ней...

«Он где нашел такие слова?.. Господи, спаси и сохрани его!»

Марко жалобно спросил:

— А можно я дам тебе по макушке?

— Не-а! — развеселился Икира. — Кровку нельзя обижать.

— Я не для обиды, а чтобы выбить дурацкие мысли...

— Вообще не дурацкие... Марко, а знаешь, что для меня полезнее всего? Даже полезнее солнца?

— Что? — спросил Марко. Все еще сумрачно.

— Нитка от змея. Когда его запускают на горе и дают подержать нитку, я чувствую ее дрожание. И от него, как от лучей... во мне...

— Будто струнки звучат в ответ? — осторожно спросил Марко.

— Да! — Икира приподнялся на локтях.

«Ты сам — струнка...» Марко даже перед собой застенялся этой шевельнувшейся в нем ласковости. И деловито сообщил:

— Надо собираться. На диктант...

Он снял с крючка у двери свои выдавшие виды штаны. Хорошо, что на них ни одного бурого пятнышка. Но зато сколько пыли и ракушечной крошки... Марко вышел на травку, отхлопал штаны валявшимся у дверей веником, прыгнул в них, нащупал в кармане медаль. «Джольчик, ты со мной всегда, не найдет меня беда...» Он пощурился на солнце, вдохнул запахи южного края и вернулся к Икире.

Икира спал, отвернувшись к стене и подтянув к подбородку колени. На коричневом лаке плеча горел солнечный зайчик.

Надо было чем-то накрыть Икиру. Но чем? Потянешь из-под него одеяло — разбудишь. Ладно, все равно он зябкости не ощущает. И Марко накрыл Икиру мысленно. Большим флагом Свода сигналов — синим с белым прямоугольником посередине. У приморских ребят он считается флагом удачи, потому что обещает скорый выход в море.

«Мы дружили недолго...»

Диктант оказался пустяковый. История про бродячую собаку и двух ребят — мальчика и девочку, — которые эту собаку пригрели. Рассказик не для шестиклассников, а, скорее, для начальной школы...

Кстати, спросили: может быть, кто-то желает писать диктант не на государственном языке империи, а на официальном языке НЮШа? Тогда пожалуйста в соседний класс, к Оксане Глебовне. Желающих оказалось двое...

Да, текст был простенький, но Марко знал, что можно и в таком наляпать ошибок, если думаешь о посторонних делах. И заставил себя забыть все недавние события...

«Эта история случилась в городке, где жили два пятиклассника, Сережа и Маша...»

Диктовка заняла не больше получаса.

— Вот и все. Теперь внимательно перечитайте, проверьте и можете гулять. Через два часа придете узнать результаты...

Вот так! Это в Лицее процесс затянулся бы на сутки: компьютерная сверка, согласования, педагогический совет... А здесь все, как в прошлом веке — просто и быстро. Но два часа всё же придется потомиться в тревожном ожидании.

Марко, однако, томиться не стал. Сразу включились в нем прежние заботы и тревоги. «Может, пойти к тете Зоре, узнать, как дела с Володей? Был ли врач? Что сказал?» Перед Марко возник Икира. Выспавшийся, бодрый и даже в рубашке (в школу пришел все-таки). Он будто прочитал мысли своего кровки, сразу сказал:

— Я спрашивал тетю Зорю. Она сказала, что все в порядке. Он спит...

— Давно спрашивал?

— Ну... с полчаса назад.

— Это давно. Пойдем, спросим еще...

— Она сказала: «Будете соваться, я вас шваброй...»

— А мы издалека.

Она и увидела их издалека, на школьном дворе. Шваброй грозить не стала, поманила:

— Пошли со мной. Он лежит и всё про вас спрашивает...

Отглянувшись, повела их в сарай. Открыла люк.

— Только недолго там, доктор сказал, что у него слабость от потери крови...

Стали спускаться вдвоем. Марко ощутил боязливое замирание. В комнате по-прежнему горела желтая лампочка, но теперь у самого потолка, сквозь заслоненное сурепкой оконце пробивался дневной свет. Пахло ботинками, бинтом и йодом, но не сильно — шуршал у оконца вентилятор.

Володя полулежал. Щеки были такие впалые, что казалось, будто в них темные провалы. Глаза блестели. Но голос оказался живым, веселым даже:

— Подгребайте ближе, братцы, садитесь...

Икира сел у Володи в ногах, Марко на табурет. Помолчали.

— Да, выволокли вы меня из беды, — сказал Володя уже не так весело. С неловкостью. — Тыщу раз надо повторять спасибо. Да пока дышалки не хватает...

— Да чего там... — скомканно отозвался Марко. — Это директору надо спасибо говорить...

— Ему — само собой... Сколько народу со мной возится... И вы, и Зоря Павловна, и доктор, и Юрий Юрьевич... Обещают помочь добраться домой, на Север. Когда очухаюсь... Рана-то не тяжелая, лишь бы не было какой-нибудь заразы...

— Не будет! — звонко пообещал Икира. — В морской воде много йода, она лечит...

Володя улыбнулся в ответ.

— Доктор то же говорил... А тебя как звать-то, хлопчик? Там, на берегу, я не разобрал...

Икира почему-то смутился. И Марко сказал:

— Его зовут Иванко Месяц. Но это так, для школьного списка. А вообще он — Икира. Есть такая здешняя травка.

— А у меня братишка... такой же стебелек. Сергейкой звать... Лежу и думаю: когда встретимся?

— Скоро встретитесь, — живо сказал Марко. — Залечишь дырку в плече и будешь добираться к дому.

— Это да... Только всякие заслоны-кордоны... Война эта поганая. Чего людям не живется спокойно?

— А что случилось на крейсере? — спросил Марко. — Зачем ты старпома-то?..

— За его слова, — глуховато объяснил Володя. — Был я на ночной вахте у магнитного нактоуза. Там и делать нечего, стой себе да зевай в кулак. А эта шкура таскается по всему пароходу с фонариком, вынюхивает: что где не так... Подошел, я докладываю: «Ваша вельможность, матрос Горелкин занят несением вахты...» А он фонариком прошелся по мне, по нактоузу и захрипел: «Не вахтой ты занят, а...» — Ну, и поганое слово. — «Почему на чехле мусор?» А там на брезенте и правда чешуйки от тыквенных семечек. Разгильдяй какой-то щелкал и оставил, я не разглядел... Говорю старпому: «Я же приборкой не занимался, я в карауле»... Он опять: «Не в карауле ты, а в...» — и матом. — «Студенческая крыса! Как штаны в институтах просиживать — это вы будьте ласковы! А как службу нести — дуля в кармане!..»

Я не стерпел:

«А она мне нужна была, ваша служба? Я на нее не просился».

Его скрутило двойным штопором.

«Не просился ты, да? Хлеб да сало жрать готов от пуза, а родине священный долг отдавать — тебя нету? Тыловая гнида!..»

Мне вдруг тоскливо стало, нету сил. От старпома самогоном несет, от палубы ржавчиной, с камбуза кислотной... В горле комок. Я его сглотнул и говорю:

«Где здесь моя родина? Родина там, где мама...»

Он изогнулся опять, воздух вобрал и давай сипеть:

«Недоносок. Мама твоя — базарная баба, если родила такого гаденыша...»

Я на гражданке одно время боксом занимался... Он отлетел шагов на пять, а я думаю: «Теперь спасенье только за бортом...»

Помолчали. Володя прикрыл глаза. Может, снова думал про маму?

Марко сказал:

— Твое письмо я отправил сразу же...

Володя чуть улыбнулся:

— Да, ты говорил...

— Значит, медаль ты не зря дал... Вот она... — Марко положил тяжелый кружок на ладонь. Володя опять поднял веки.

— Я бы ордена не пожалел...

— Она лучше, чем орден. Это теперь у меня джольчик. Ну, так у нас амулеты называются. Которые приносят удачу...

— А у меня амулета не было. Медальку-то эту я просто так носил в кармане. Случайно нашел на берегу... Ну, значит, не зря...

Икира завозился на краю лежанки, расстегнул рубашку. Снял ожерелье. Развязал нитку, сдернул с нее две «бусины» — зеленый камешек и завитую ракушку размером с гривенник. Заерзал, придвигаясь.

— Вот... возьми для удачи. Это тебе и Сергейке...

Володя взял амулетики в ладонь. Стал очень серьезным.

— Ну, спасибо тебе... стебелек Икира. Это и правда к счастью. В них тепло... живое...

Появилась тетя Зоря.

— Ну-ка, гости ненаглядные, марш гулять. Владимир, ты отдыхай, доктор велел больше спать.

— Слушаюсь, Зоря Павловна... Счастливо, хлопцы. Заглядывайте еще...

Когда вышли на двор, тетя Зоря сказала в спину Марко:

— Постой-ка... Солончук. Тут тебе письмо...

— Мне?!

— Ты ведь один у нас Марко Солончук. Пришло на школу, директор еще вчера велел передать, да было не до того...

Марко с дрожью в пальцах взял конверт (хотя чего вздрагивать-то?). Надпись «Марко Солончуку». Потом цифры индекса и адрес: «Южный край, Тарханайская коса, пос. Фонари, средняя школа, 6-й класс... Обратного адреса не было. Марка — нюшская, с початком. А штемпель? Размытый, но можно прочитать: «Ново-Византийск»...

Слева от школьного здания был сквер с акациями и каштанами. И с двумя кизилковыми деревьями, между которыми тетя Зоря в марте подвесила прочные качели. Икира устроился на качелях, деликатно показывая, что ему дела нет до письма. Марко ушел под развесистый каштан, сел верхом на узкую скамейку. Рывком вскрыл конверт...

Белый листик, синие аккуратные строчки.

«Здравствуй, Конек! Я не дождалась твоего звонка и попросила папу позвонить в Лицей, чтобы ты там сказал твой номер или адрес. Нельзя же так сразу прекращать отношения, верно? А в канцелярии сообщили, что ты вернулся на Побережье. С Побережья ты тоже не звонил, и я поняла, что это из-за блокады. А потом у меня сменился номер. Я лишь недавно догадалась, что можно написать тебе на школу. Может быть, дойдет...

Я не люблю писать письма, но сейчас решила написать, потому что не хочется, чтобы все быстро забывалось. Мы дружили недолго, но хорошо, правда?

Я не знаю, как у тебя дела, но думаю, что все хорошо. У меня тоже. Мне обещают роль Красной Шапочки в пьесе «Книга сказок». Роль небольшая, но интересная. Говорят, что у меня получится.

Плечо иногда болит, но не сильно. Помнишь мальчика, который играл со мной второго паж, в зеленом берете? Он дал мне совет, чтобы я тренировалась со скакалкой. То есть с прыгалкой. Я стала заниматься, и это существенно помогло. Теперь прыгаю каждое утро. Шестой класс я закончила хорошо, в основном на 10-11. А ты свой, наверно, на пятерки...

Скоро мы поедем на гастроли по разным городам Штатов. Жаль что ближе к Северу, а не к морю, там все время конфликты. Но я надеюсь, что у вас в Фонарях спокойно.

Марко, я желаю тебе хорошего лета.

Юнка Коринец».

«Вот и все», — подумал Марко с ощущением пустоты. Горечи не было, а была... именно пустота. И даже какое-то облегчение.

«Мы дружили недолго, но хорошо, правда?»

Правда...

«Мне обещают роль Красной Шапочки...»

Дай Бог тебе удачи... Наверно, мальчик в зеленом берете тоже будет кого-то играть. Рядом... Этого мальчика-пажа Марко не помнил. Нисколько. Но все равно — пусть и ему повезет...

«Он дал мне совет, чтобы я тренировалась со скакалкой...»

Молодец, правильный совет. Пусть никогда у Юнки Коринец ничего больше не болит.

А новый номер она не сообщила. Может, забыла написать? Или решила, что блокада — навсегда? Нет, едва ли...

«Ты теперь будешь терзаться целыми днями?» — сказал он себе.

«А вот и не буду!»

Она еще написала: «Желаю тебе хорошего лета».

Ну и что же? Оно и в самом деле неплохое. По крайней мере, интересное. Вон сколько всего!..

Подсочил Икира.

— Марко, в школе звонят! Наверно, зовут узнавать отметки!..

Марко сунул конверт в карман левой штанины, а листок — в правый задний.

— Марко, можно я с тобой в классе посижу? Узнаю про тебя сразу...

— А если у меня двойка?

Икира засмеялся:

— Ты будешь плакать, а я утешать.

— Тогда пошли...

У Марко оказалась пятерка.

Вообще-то пятерок было шесть.

Кроме Солончука — у Пикселя и Топки, у Игоря Ковальчука, Лариски Мавриной и еще одна — у Андрийки Козаченка, который писал «по-нюшски». Двоек не было, к счастью, ни одной. А про Марко Серафима Глебовна сказала, что отличную оценку ему «натянули». Потому что была ошибка: в слове «история» он вместо второго «и» написал «і».

Говорят, заступился директор, сказал, что это не ошибка, а описка, «влияние Лицея, где готовы писать букву «и» с одной и двумя точками даже в слове «корова». (Ну, совсем, как Марко в споре с Ингой Остаповной).

Кстати, директор присутствовал при подведении итогов (и при этом не бросил ни одного особого взгляда ни на Марко, ни на Икиру). Он объявил, что завтра — последний день занятий, собрание, а потом «гуляйте до осени». Разумеется, грянуло ура...

Икира умчался домой, сказал, что хочет снять рубашку. А Марко окликнула на школьном крыльце Славка. Мирослава Тотойко. У пятиклассников недавно кончились уроки.

— Чего тебе? — неласково сказал Марко. Несмотря на пятерку, настроение было так себе.

Славка проехала по нему взглядом сквозь белые пряди на лице.

— Какой ты... будто тебя коты драли.

— Ты это и хотела сказать?

— Не только это. Вот еще... Твоя потеря? — Она протянула листик, Юнкино письмо.

Марко дернулся, хотел выхватить, но сдержал себя, взял спокойно.

— Похоже, что моя... Да. Где ты взяла?

— В саду у скамейки. Пошла покататься, а бумажка белеет в траве...

«Выскользнула из кармана. Растяпа я...»

— И ты, конечно, прочитала...

— А что такого? Я же не знала, чье это... Догадалась только в конце, где «Марко».

— Ну и... есть еще вопросы?

— Больно надо... Хотя бы спасибо сказал.

— Ах да, спасибо... — Он затолкал письмо в тот же карман, где конверт.

У Славки всё же был еще вопрос. Помолчала и небрежно так — мол, не очень-то мне и надо — проговорила:

— А эта, Юнка... Она кто? Или секрет?

Скорее всего, она ожидала услышать что-нибудь знакомое с дачных лет: «Лезешь не в свои вопросы — потерешь нос и косы» (хотя кос у нее не было).

Марко так и хотел ответить. Но спохватился: «А чего это я? Она же нашла, отдала...» Объяснил с зевком:

— Девочка одна. Вместе учились в Лицее.

Славка наклонилась к плечу голову.

— Хорошая девочка? Артистка, да?

— Артистка... Еще что спросишь?

— Ничего... А «Конек» — это она тебя так называла?

— Все так называли. Потому что горбатый.

— Не горбатый, а глупый. Чего ты злишься? Я по-хорошему спрашиваю...

— А я по-хорошему отвечаю... Славка, я не злось, просто я голодный. Не успел позавтракать как надо, торопился на диктант.

— Ну, иди. Приятного аппетита...

Дома был траур. Женька ходила с красными глазами. Она получила по математике четверку, а ей хотелось большего.

— Кто меня возьмет в институт...

— У тебя же еще год впереди, — утешил Марко.

— Вы с мамой говорите одинаковые слова!

— Правильные слова всегда одинаковые. Ты запоминай и набирайся ума...

— Балаболка... У тебя, в твоей берлоге, недавно мобильник надрывался. Я вошла, схватила, а он уже замолчал...

— Как надрывался? Ведь нет же связи!

Марко давно уже не носил мобильник с собой: толку от него, как от мыльницы.

— Откуда я знаю! — Евгения вскинула лицо и пошла в свою комнату, горевать дальше.

Марко кинулся в «хижину». Мобильник лежал на постели. «Хоть бы сохранился номер!»

Номер в шкале «Непринятые вызовы» сохранился.

Незнакомый. Ну, понятно! Она же написала, что сменила!

Марко нажал кнопку ответной связи. И конечно же, вместо нее — каменное молчание. Секунда, пять, десять... И вдруг! Загудело, запищало и — ответ!

Но не ее голос. Мужской:

— Это кто?

— Это... Марко...

— А! Я тебе звонил!

— Кто это?

— Как кто! Доцент и бакалавр Никанор Кротов-Забуданский, член Европейского археологического сообщества и редколлегии журнала «Всемирная информация», в здешних кругах известный под именем Пекарь или Пек...

Ну, понятно! С его-то телефоном, завязанным на независимую Космическую сеть, Пек мог дозвониться куда угодно.

Марко не сдержался:

— Тьфу...

— Как понимать это междометие?

— Это я не тебе... Это... Ты как разнюхал мой номер?

— Доцент и бакалавр Никанор... и так далее... знает все. А ты что досадуешь? Думал, что это она?

— Тьфу! На этот раз на тебя... Чего тебе от меня надо?

— Чтобы ты предстал предо мной. Нужна консультация насчет девочки. Той, раскопанной...

Марко сообразил, что за полминуты успел напрасно нахамить Пекарю

— Ладно, Пек, извини. Сейчас предстану, только что-нибудь пожую...

Перед тем, как бежать к Пеку, Марко решил снова посмотреть на девочку. Статуэтка была спрятана в углу за тумбочкой, под старой газетой, Марко не хотел, чтобы на девочку пялились кому не лень... Теперь он достал ее и поставил у изголовья. Девочка покачалась.

— Не скучай, — сказал Марко.

Прыгалка

Пек был не один. На дворе у Тарасенковых «паслись» Топка, Пиксель и Матвейка Кудряш. Пек, устроившись на крыльце, что-то показывал ребятам на экране ноутбука. Оглянулся.

— Марко, посмотри, что у меня получилось...

Марко шагнул, но посмотреть не успел. От калитки донеслись неласковые голоса и бряканье. Брякало оружие и амуниция. Голоса принадлежали трем парням в морской форме НЮШа (ясное дело — патруль):

— Всем быть на месте, не ховаться, бо ляжете и не встанете живые! Отвечать: хто такие?

Бабка Тарасенкова, что хлопотала неподалеку, у курятника, засуетилась:

— Да то ж дитки соседские та квартирант наш, ученый человек...

Растрепанный небритый Пек в обрезанных джинсах, шлепанцах и рубашке навыпуск не похож был на ученого человека.

Старший из трех — широкий, как игровой автомат, с шевронами марин-сержанта и унтер-офицерским малиновым шариком на берете, сплюнул:

— Бачили таких ученых... Документ!

— Не понял вас, мини-офицер, — сказал Пек. Он стоял очень прямо. Несмотря на обтрепанный вид он вдруг сделался такой... изящный даже.

— Ча не понял? — тонко и обиженно возмутился патрульный, похожий на ловца пиявок из фильма «Буратино» (только помоложе). — Мамка в дитстве с пидокошка уронила?

— Не понял, потому что изъясняетесь на каком-то опереточном жаргоне. Он не имеет ничего общего ни с южным, ни с северным нормальными языками. Это нынче державная мова «НЮШа»? Что такое «ча» и «документ»?

«Он издевается над ними!» — с веселым испугом подумал Марко.

— Пане старшина, можно я его ща хлопну? — лениво спросил третий патрульный (унылый и хлипкий). — Бо сам того просит... — И передернул рычажок автомата Б-2 с подствольником.

— Годи... — тормознул его марин-сержант (а не старшина). — Ты, храмотный, кажи ксиву, не то поимеешь дирку в макитре...

— «Ксива» — это уже понятнее, — кивнул Пек. И вытащил из кармана джинсов синие коленкорковые корочки. — Побачь, служивый... Грамоту розумиешь? Тут на трех языках, в том числе на английском... — И развернул книжницу.

«Служивые» одинаково вытянули шею. Их снаряжение — автоматы, тесаки, плоские рации, флажки и даже наручники — опять позвякало.

— Это ча? — сказал марин-сержант.

— Это не «ча», командир, а удостоверение корреспондента Международного информационного сообщества. Персоны с таким званием имеют статус «но комбатант» и право находиться в сфере любой из воюющих сторон. И обладают полной неприкосновенностью... Ферштеен?

— Га? — спросил похожий на Дуремара матрос и повернулся к марин-сержанту.

Тот покивал:

— Шпигун. Шпиён то есть...

— Давай к стенке... — предложил круглый патрульный и опять потрогал рычажок Б-2.

Ребята обмерли.

— К стенке — это проще всего, — невозмутимо разъяснил Пек. — А последствия? Видишь? — Из корочек он вынул черно-красную пластиковую карточку. В уголке на ней мерцал круглый зеленый огонек. Пек разъяснил патрульным, как дошкольникам: — Эта штучка называется «информационный чип». Она посылает через спутник сигналы, что с владельцем карточки всё в порядке. А когда делается «не в порядке», система включает программу под кодом Эн Цэ. Спутник в момент считывает информацию-ситуацию. А потом — лишь одна проблема.

— Шо за проблема? — угрюмо сказал марин-сержант. На казарменном лице проступило нечто осмысленное.

— Даже не политическая, — вздохнул Пек. — Экологическая.

— Это... як же? — угрюмо выговорил командир патруля.

— То есть по линии охраны природы. Встанет вопрос: как очистить дно залива от груды железа, которую превратят ваш крейсер беспилотника Международных сил наблюдения с ближней базой «Касатка».

— Ты полегше... — неуверенно выговорил «Дуремар».

— А я при чем? Это не я, а они. Программа там задана заранее: сигнал бедствия, выяснение координат, обнаружение источника агрессии, старт. Все за десять минут. Это вам не имперская авиация и не «сокилы доблестного «НЮШа»...

— Пане старшина, може, его узяти на пароход? Командиры с него выймут правду... — предложил «Дуремар».

— Та ну его видьме под юбу, — решил марин-сержант, поглядывая на карточку с огоньком. — Нам треба дезертира шукаты, а не всяких этих. Побегайлы, хлопцы, бо часу нема...

— Не «побегайлы», а «побигли», — хмыкнув вслед патрулю Пек. — Лингвисты...

Патруль, позвякивая, удалился. А Марко увидел, что на дворе появился Икира. Стоит рядом, удивленно моргает. Марко оттянул его в сторонку, шепнул:

— Икира, давай бегом в школу. Скажи тете Зоре или директору: крейсерцы ищут Володю.

Тут же оказался рядышком и Пек. Сказал тоже шепотом.

— Не надо, братцы. Я уже просигналил Юрюричу.

— Ты все знаешь? — тихонько удивился Икира.

— А то как же. Директор еще до света мне изложил события. Без доцента и корреспондента Кроева-Забуданского вы — куда? Кто через все заслоны переправит домой беглого матроса, у которого никаких «ксив»?

— Когда ты успел просигнализировать-то? — изумился Марко.

— Ха! — сказал Пек.

Остальные ребята, кажется, не прислушались. Глядели то на калитку, то на экран ноутбука. Бабка Тарасенкова что-то жалобно бормотала.

Матвейка Кудряш спросил издалека:

— Пек, а у тебя правда *такая* карточка?

— Ну... почти. Это кредитная плашка северного банка «Алмаз». Сигналил о том, что на счету остался один доллар. Напоминает... Видите, пригодились.

Все развеселились. Марко враз поверил, что нет причин для страха. Икира, видимо, тоже. А остальные ничего пока и не знали про Володю...

— Ты зачем позвал-то — напомнил Марко Пеку.

— Я же сказал: насчет девочки... Пока мои коллеги в северном мегаполисе колдуют над полученными снимками, я здесь поколдовал тоже. С помощью программы «Глаз и карандаш». Глянь...

Марко глянул. Икира тоже...

Ноутбук лежал на верхней ступеньке крыльца. Экран был размером с тетрадку, девочка на нем виделась в полный свой рост. Как и прежде красновато-коричневая, «терракотовая», но без царапин и выбоин. И без увечий!

Все недавние события отодвинулись в памяти Марко. Теперь впереди всего была девочка. Она стояла в сероватой глубине экрана, как настоящая. Словно можно взять на ладонь.

Пальчиками правой ноги (той, которой на самом деле не было) она упиралась в бугристый холмик, словно замерла в прыжке или танце. Обе руки были согнуты в локтях и разведены. Пальцы левой (которая есть) сжаты в кулачок. Пальцы правой (которой не было) расправлены крылышком. Была и головка. Только без лица.

Его заслоняли прижатые ветром длинные пряди — как иногда это бывает у Славки Тотойко, но гуще...

Кстати, Славка тоже оказалась здесь, подошла и смотрела на экран через плечи других. А рядом с ней — Галка Черета и Кранец.

Пек оглянулся.

— Почти вся компания. Только Слона нет.

— Он отцу помогает, вечером собираются в лиманы, — сказал Икира.

— А я думала, отсыпается после дискотеки... — встала Славка.

Икира глянул укоризненно:

— Он там почти и не был. Настроил музыку и ушел...

— Люди, а что про девочку-то скажете? — спросил Пек. — Я, что ли, зря старался?

Все смутились. Наконец Пиксель объяснил:

— Мы молчим, потому что нечего сказать... Пек, она такая, как есть. То есть такая, какой была на самом деле. Точно...

— Пек, ты художник, — выговорил Топка.

— Даже лучше, чем вы с Пикселем, — добавила Славка.

— Славка, ты вредина, — сказал Пек.

— Ага! — обрадовалась она.

Любопытный Кудряш сделал замечание:

— Только непонятно все-таки, что у нее было в кулаке.

— Может быть, ничего не было... — заметил Кранец.

— Сжала, вот и все. — Наверно, он помнил прежнюю Славкину догадку о хворостине. — А еще жалко, что лица нет...

— С волосами тоже хорошо выглядит, — сказала круглая Галка Черета. — Выразительно... — И глянула на Славку.

Пек слегка насупился и объяснил:

— Про лицо я думал. И выбирал... Только не знаю, какое подойдет. Потому и позвал Марко, пусть решает.

— Почему я-то?..

— Ну, ты же нашел девочку.

— Но не я же ее лепил... — пробормотал Марко.

— Кто лепил, мы не знаем. А девочка теперь твоя... А впрочем, смотрите все! Я тут много портретов разыскал в Интернете...

На экране выстроились в два ряда шесть цветных фотографий. Симпатичные такие лица. Ну, просто красавицы!

Две блондинки, две смуглые и темноволосые, одна русая, одна каштановая и с удивительно голубыми глазницами.

— Ну, тут сразу и не скажешь, — деловито заметил Кранец. — Смотреть и смотреть...

— По-моему, вот эта... — показал на смуглую девочку Пиксель. — В древней Греции все, наверно, были такие... темные. И нос прямой... И смотрит хорошо...

Пек повернулся к Марко:

— А ты что скажешь?

— Не знаю...

— Ладно. У меня ведь их много, полистаем еще...

И снова замелькали снимки. Некоторые — мелкие, некоторые — во весь экран. Все оживились. Стало похоже на телеигру «Выбери подружку». Игра — дурацкая, но теперь сделалось интересно.

— Вот!...

— Нет, вот эта...

— Да у нее уши, как у Померанца!

— Пек, чего она дразнится!

— Славка, что с тобой сегодня?

— Ничего, я выбираю... Вот, какая симпатичная...

— Уродина, как ты, — мстительно сказал Крапец. — Ай!...

Славка, однако, не дотянулась до него и замолчала.

Марко тоже ничего не говорил (и, глядя на него, молчал Икира).

Марко пытался вспомнить лицо Юнки. Не вспоминалось. Апельсиновые волосы, бирюзовые глаза, острый подбородок, уши с янтарными сережками-капельками... Но это всё по отдельности. Даже голос помнился, а лица не было...

Марко старался представить Юнку так и так, и так. По-всякому. То близко, то в отдалении. То в лицейской форме, то в праздничном платьице, то в костюме пажа. И в черном тренировочном костюме, как тогда, в спортзале...

...Он тронул ее плечо:

«Больше не болит?»

«Нет. Я же тренируюсь...»

Она сделала шаг назад и оказалась уже не в зале, а почему-то на галечном пляже. Развела руки, в них появился желтый шнур. Юнка взмахнула шнуром, перескочила через него. Взглянула на Марко:

«Получается?»

«Да...» — одними губами произнес он. Фигурка Юнки замерла, уменьшилась и... наложилась на снимок девочки — тот как раз опять возник в ноутбуке.

Словно тень слилась с терракотовой статуэткой.

Марко не успел ничего сказать. Успела Славка:

— Прыгалка... — выговорила она за спиной у Марко.

— Что? — дернулся Пек.

— У девочки прыгалка в руках. То есть скакалка... Надо только, чтобы правые пальцы были в кулаке...

Больше никто ничего не сказал. Все сдвинулись головами к экрану.

— Подождите, братцы... — Пек взял ноутбук на колени, сел боком, чтобы экран видели все. Стал нажимать кнопки. Вокруг девочки обозначилась пунктирная рамка. Потом еще одна, маленькая, вокруг ладошки-крылышка. Пальцы шевельнулись, как живые, и сжались в кулачок. Круглая Галка ойкнула... Из кулачков протянулись вниз желтые линии, соединились, легли широкой петлей на бугорок под ногой, на которой стояла девочка. Она легко так стояла, готовилась прыгнуть через шнур, взметнуть его, прыгнуть снова...

— Ух ты, — тихонько сказал Икира и сбоку взглянул на Марко.

Марко кивнул.

Он ничуть не досадовал на Славку за то, что она опередила его. Ведь он-то, внутри себя, все равно догадался сам. А то, что не сказал первый, даже лучше. Прыгалки — игра для девочек, пусть и разгадка будет от них. Главное, что есть ответ. Никто даже не заспорил, настолько все стало ясно.

— Мирослава, как ты догадалась? — уважительно спросила Галка.

— Чего такого... — сказала та. — Ох, мне же надо к бабке Лександре, помочь обещала. Она купила телочку у соседей Копылкиных, махонькую. Теперь хлопот на старости лет... Померанец!

— Чево-о?

— Не «чево», а «что». Где банки, которые ты должен был собрать для Лександры Панасьевны?

— Пиксель с Топкой разрисуют посудину, тогда все вместе и отнесем.

— Вы когда разрисуете? — повернулась к «художникам» посуровевшая Мирослава Тотойко.

— Да все уже готово! Только лак сохнет! — вдвоем ответили Топка и Пиксель.

— То-то же... — Славка поднялась и независимо пошла со двора. У плеч вздергивались пышные пристежные рукавички желто-белого платьица. Марко смотрел вслед.

«Как она догадалась? Прочитала в Юнкином письме? Наверно так...» Потому что Марко ни разу не видел Славку со скакалкой. Если девчонки на улице вертели веревки и прыгали через них, Славки там никогда не было. Впрочем, он мог просто не замечать...

Выбирать лицо для девочки больше не было настроения. Пек спросил:

— Марко, ты как-то говорил, что у вас есть компьютер. Да?

Компьютер был. Еще отцовский, «музейного образца». Игрушки открывал через пень-колоду, мигал, гудел, «зашкаливал». Обычно за ним сидела Евгения, когда готовила рефераты по биологии. Но это, пока был выход в сеть. А сейчас.

— Он же старый, как деревенский умывальник. И связи с Интернетом нет. Даже модем потерялся...

— Не надо связи. Гнездо для приставок есть?.. Я дам флешку с девичьими портретами. Посиди, выбери на досуге. Надо все-таки довести произведение античного искусства до кондиции...

Марко не спорил.

Когда они с Икирой шагали к дому, их догнали Пиксель и Топка. Верткий Пиксель (было в нем что-то обезьянье) пританцовывал. Обстоятельный Топка вел себя сдержанно. Однако обоих волновал один вопрос:

— Марко, можно еще посмотреть на Прыгалку?

Все и не заметили, как имя Прыгалка приклеилось к терракотовой девочке.

— Да на здоровье... А что, на экране разве не смотрелись?

— Надо «живьем»... Есть идея...

Марко не стал допытываться, что за идея. Привел художников к себе в «хижину».

— Вот...

Прыгалка привычно покачалась на резиновой трубке.

— Она, вот такая, пожалуй, не хуже, чем у Пекка... — вполголоса заметил Топка. — Есть в ней эта... завершенность.

И Марко подумал, что в Топкиных словах — правда.

То, что сделал Пек на экране, оказалось замечательно. Здорово! Но... все-таки это походило на искусственное прихорашивание. Можно смастерить совершенно натуральные с виду протезы, только они все равно не будут живыми. И Марко стало жаль Прыгалку. Захотелось даже погладить мизинцем по локотку, но при ребятах не стал.

Икира постоял перед Прыгалкой, потрогал свое ожерелье-дждольчик и согласился с Топкой:

— Да, она как совсем целая... Только...

— Только что? — быстро спросил Пиксель (чуткая творческая натура).

Икира оглядел всех.

— По-моему, надо сделать ей скакалку.

Все разом поняли, как Икира прав. Конечно же! Ведь скакалка — не протез, не замена живых рук и ног. Она — сама по себе! И в то же время она с девочкой. Чтобы та не забывала, как прыгала с подружками две тысячи лет назад!..

Топка был в грубой, похожей на мешковину, безрукавке. Он выдернул из растрепанного подола суровую нитку. Продернул сквозь кулачок Прыгалки. Завязал узелок, чтобы нитка не выскользнула. Сделал широкий изгиб, другой конец привязал к руке с отбитой кистью, пониже локтя. Марко схватил с гвоздя ножницы, обрезал у нитки лишние концы.

Теперь нитка-скакалка спускалась от рук девочки на пластмассовую подставку плавным полукругом. А в фигурке Прыгалки ощущалось желание взлететь.

Икира смотрел без улыбки. Наклонил голову к одному плечу, к другому. И наконец решил:

— Вот сейчас все-все как надо.

У Марко, Пикселя и Топки стало хорошо на душе. Потому что в самом деле — все как надо. Икира никогда не врал...

Пигмалион

Пиксель и Топка в самом деле пришли к Марко с идеей. Еще немного полюбовались Прыгалкой и заговорили:

— Ей нужна другая подставка. Ну что это за подпорка из пластмассы, смотреть даже тошно, будто Аполлона поставили на ящик из-под мыла, так не бывает нигде на свете... — это Пиксель.

— Негармонично, — поддержал друга Топка.

— Что предлагаете? — весело спросил Марко.

— Мы предлагаем, чтобы скульптура вписалась в естественную окружающую среду, которая была вокруг нее, когда она была у себя в обстановке, характерной для эллинской культуры, и... — зачастил опять Пиксель.

— Надо поставить девочку на площадь, — сказал Топка. И затем изложил творческие планы коротко.

Весной, когда они с Марко ходили в «планетарий», то есть в комнатку с телескопом, чтобы полюбоваться на светила, вездесущий Пиксель сделал находку. На одной из полок он увидел дюжину коробок с пластилином для занятий в младших классах. Лежали коробки здесь, наверно, лет десять. Потому что пластилин окаменел. Однако, Топка и Пиксель рассудили, что бруски нетрудно будет разогреть и размять.

Можно было просто-напросто спереть коробки, никто бы не заметил. Но воспитанные в благородных традициях искусства, Пиксель и Топка не пошли на это. А пошли к директору.

— Зачем вам такое задубелое сырье? — удивился Юрий Юрьевич.

— Мы слепим каких-нибудь рыцарей или динозавров, или космических пришельцев, — зачастил Пиксель, — и можно будет устроить выставку, и...

— Для скульптурного творчества, — разъяснил Топка.

— Берите и творите, — решил директор.

Сразу творить они не стали. Как-то руки не доходили и не было четкой мысли: что же такое вылепить. А вот сейчас...

— Мы выложим из пластилина площадь, узорчатую, — объяснил Пиксель. — Получится, будто в древнем городе. И Прыгалка будет стоять на ней. Будто большая скульптура, которая сохранилась там с древних времен. Ну, не совсем сохранилась, но все равно она для всех любимая и...

— Пусть это все будет у тебя на столе, — сказал Топка. — А все, кто хочет, пусть приходят и смотрят...

Что и говорить, идея была достойная настоящих мастеров.

— Ребята, вы гении...

Марко сразу почувствовал, что на такой площади разбитость скульптуры не станет казаться недостатком. Не будет в ней никакой ущербности! Мол, время и всякие стихии прокатились по городу, оставили свои следы, но красота все равно оказалась сильнее.

Обрадованные похвалой Топка и Пиксель отправились к себе, разминать пластилин. А Марко притащил к себе в хижину дребезжащий компьютер — под негодующие вопли сестрицы («Таскаешь туда-сюда, он совсем рассыплется, а мне надо готовить ответы по биологическому практикуму!») Конечно, можно было разглядывать записанные на флешку девчоночьи портреты прямо в комнате. Но ведь Женька тут же полезет с комментариями. И решит, чего доброго, что брата интересуют не просто девицы, а «девицы без лишней одежды». А ему нужны были только лица...

Подходящих лиц он так и не нашел. То есть было много вполне симпатичных, но — не для Прыгалки. Или «не совсем для Прыгалки». В конце концов Марко решил, что самое подходящее — лицо той смуглой девочки, которое они с ребятами увидели в числе первых шести. Жительница древнего Юга. Глаза распахнуты, на гу-

бах полуулыбка, волосы откинута ветром... Да, не похожа на Юнку, но что поделаешь? Все-таки Юнка и Прыгалка — разные девчонки, хотя у обеих скакалки...

Икире понравился выбор Марко.

Икира сначала был рядом, а потом сказал, что пойдет на Фонарный холм. Там ребята с Артельной улицы собирались запускать новый змей — сделанный в форме старинного самолета. Икиру в поселке все знали, и каждая ребячья компания готова была принять его к себе. А Икира, конечно, не считал, что, сделавшись Маркиным кровкой, должен постоянно быть рядом. Он же не рыба-прилипала!

— Давай, — одобрил его решение Марко. — Вибрация нити добавит тебе жизненной энергии.

— Да!.. А ты не хочешь со мной?

— Нет. Мне еще надо... подумать.

Мысли опять вернулись к Юнке.

Может быть, она специально не указала в письме номер телефона? Может быть, решила: «Я догадалась послать Коньку письмо на адрес школы, пусть и он пошлет на адрес театра...»

«Но ведь она говорила: кто же сейчас пишет письма!»

«Но ведь написала же!»

«Наверно, так... из вежливости.»

«Ну, и ты должен... тоже из вежливости...»

Он завалился на постель и начал сочинять послание.

«Здравствуй, Юнка! Я получил твоё письмо. Хорошо, что ты догадалась отправить его. У нас по-прежнему блокада, какое-то дурацкое положение. Я рад, что плечо твоё почти не болит и что ты тренируешься с прыгалкой...»

А дальше что?

Не писать же про случай с матросом Володей — вдруг прочитают те, кому это не надо знать!.. Рассказать, что появился у Марко девятилетний друг-кровка? Но это... не то, чтобы тайна, но и не тема для досужего обмена новостями... Поведать историю с Прыгалкой?

Марко понял, что писать об этом не сможет. Будто пришлось бы выложить что-то слишком сокровенное и непонятное самому себе... И будто у Юнки сможет шевельнуться ревность. (К кому? К маленькой глиняной статуэтке? «Ты совсем спятил...») Хотя при чем здесь ревность? За чем Юнке Конек? Они, скорее всего, больше никогда не увидятся. Или увидятся потом, когда станут другими. Он поступит (если получится!) в Академию корабелов, она в какой-нибудь театральный институт, и едва ли часто будут пересекаться их дороги...

«Что было — то было, а теперь прошло», — сказал себе Марко словами старой песенки. — К тому же, там есть мальчик в зеленом берете...»

С этой мыслью Марко уснул.

Женька на пыпочках услокла компьютер к себе. Марко не проснулся...

Директор Гнездо сдержал слово. Он подарил Иванку Месяцу могучую рогатку, а Марко Солончуку темную от ржавчины рапиру с шишечкой на конце. Марко почистил клинок и повесил оружие над топчаном с постелью. А что еще с этой штукой делать? Второй рапиры не было, ни с кем не пофехтуешь. Да и никогда не увлекался Марко мушкетерскими приключениями. Другое дело — тайны пришельцев и парусные плавания. Слон обещал снова взять его (и, конечно, Икиру), на парусную шлюпку, когда пойдет в лиманы...

Икира несколько дней ходил с рогаткой, засунутой под резиновый поясик на шортиках. Она была такая большая, что конец рукоятки торчал внизу из коротенькой штанины. Икира иногда доставал рогатку и лупил сухими глиняными шариками по какой-нибудь подходящей цели: по блестящей среди бурьяна жестянке, по шляпе пугала на огороде, по застрявшему в развилке ясеня мячику (тот радостно выскакивал), по взлетевшей над головами чьей-нибудь бейсболке. И всегда попадал! Бывало, что просили пострелять другие ребята. Икира давал, но со словами:

— Только не по живому!

Его всегда одинаково успокаивали:

— Икира, да ты что!..

Однажды захотел стрельнуть Кранец...

Если человек неудачник, то неудачник он во всем.

Дело было на дворе у Топки.

Кранцу вздумалось разбить пол-литровую треснувшую банку, которая стояла на выступе каменного забора, невысоко от земли. Ну, казалось бы, младенец не промахнется. Кранец-Померанец промахнулся. Да еще как! Глиняная пуля врезалась в набитый мешок, лежавший в метре от цели, раздался стеклянный звон. Кранец сел на землю, ладонями прижал запольхавшие уши-лоскутья и стал безнадежно смотреть в пространство...

Дело в том, что в мешке были собранные им же, Кранцем-Померанцем, банки, которые он собирался отнести бабке Лександре для примирения. Целых двенадцать посудин разного размера.

Один-единственный шарик ухитрился сквозь мешковину раздолбать четыре банки, в том числе и самую большую, трехлитровую.

— Нельзя давать гамадрилам огнестрельное оружие, — холодно сказала Славка. — Это опасно для окружающих.

Кранец даже не возразил, что рогатка — не огнестрельная. Горе его было неподдельно. Поэтому никто больше не сказал Кранцу укоризненных и насмешливых слов, наоборот, утешили, как могли. Топка принес из кладовки другую трехлитровую банку.

— А макитра наконец высохла? — придирчиво спросила Славка.

Лак на макитре высох. Бока громадной посуды отбрасывали солнечные зайчики и поражали воображение радужными рисунками: там были неземные цветы и земные подсолнухи, разноцветные петухи и невиданные звери. Расписную посудину и мешок с банками понесли толпой бабке Лександре. Та, увидев небывалую красоту, расцвела, как самый пышный подсолнух на макитре. Долго охала и приседала перед сокровищем. Банкам тоже порадовалась, худого вспоминать не стала, угостила всех пряниками, которые только что испекла в легкой духовке. Пряники были мягкие, замечательно пахли ванилью, и гости умяли их в немалом количестве. Бабка не огорчилась. Позвала всех поглядеть на телочку-малышку по имени Земфира (в честь известной киногероини).

Рыжая Земфира оказалась очень симпатичной. Ей гладили бока, чесали уши, круглая Галка даже поцеловала ее в белую звездочку на лбу.

Когда вышли на улицу, приободрившийся Кранец предложил:

— Пошли до Кривой бухты, искупнемся...

Кривая бухта располагалась не близко. Обычно туда ездили на велосипедах. Не у каждого они имелись, но хозяева великов сажали «безлошадных» приятелей на багажники. Для купания были места и поближе, но все они просматривались с крейсера, а кому охота плавать и нырять под прицелом «кукурузников»? Можно было уходить на другой берег косы, к лиману, только зеленая вода там — слишком теплая и мутная... Вот потому и предпочитали Кривую бухту, ее высокие берега заслоняли купальщиков от дальномеров «Полковника Думы».

Сейчас бежать за велосипедами не хотелось. Чего доброго услышишь дома: «Куда опять навострился? А кто будет помогать в огороде!» Зашагали пешком. Времени-то навалом — каникулы...

Поплавали от берега до берега, поныряли с камней, пожарились на солнце. Оголодали. Побрели обратно. Кто куда.

Топка и Пиксель сказали, что займется «пластилиновыми делами». Матвейка Кудряш пошел им помогать. Марко с Икирой решили побывать у Пека.

Пек несколько дней назад поставил на снимок Прыгалки лицо. То, которое выбрал Марко. Получилось «очень даже ничего». А в общем-то лицо здесь не было главной деталью. Пек наполовину прикрыл его летучими волосами, это придавало девочке легкость и даже загадочность. А главное — в движении. В «динамике и пластике», как по-научному изъяснился Пек.

А теперь оказалось, что через спутниковую сеть Пек получил снимки от друзей. На них Прыгалка была «во всех ракурсах» — и спереди, и с боков, и со спины.

— Почти такая же, как у тебя! — удивился Марко.

— Да. Только про скакалку они не догадались.

— Все равно скакалка... она тут как будто есть, — заметил Икира.

— И сделано всё не в пример профессиональнее, чем у меня, — сказал Пек, меня кадр за кадром. — Постарались ребята. А?

— Да... — помедлив, кивнул Марко.

Пек внимательно посмотрел на него.

— Чую в тебе... некоторое сомнение. Не так ли?

— Нет, не так... только...

— Что?

Марко переглянулся с Икирой. Тот смотрел понимающе.

— Пек, снимки очень хорошие. И по ним, наверно, можно будет сделать статуэтки без этих... без изъянов... Только...

— Что?

— Только они будут... просто статуэтки. А та Прыгалка, глиняная, она... будто живая... Икира, правда?

— Правда, — кивнул Икира. — Я так же думал, только не знал, как сказать.

— Постараюсь обобщить ваши мысли, коллеги, — заявил доцент и референт Кротов-Забуданский, почесывая небритый подбородок. — Вы хотите убедить меня, что самая талантливая реконструкция не заменит подлинник. А я и не спорю, вы правы. В оригинал автор вкладывает живую душу, а копия всегда остается копией... Тонкие натуры это чувствуют. А вы ведь тонкие натуры, не так ли?

— Никогда не поймешь, зубоскалишь ты или всерьез, — надулся Марко.

— Пек всерьез, — сказал Икира.

— Да, я всерьез... Но я не знаю, где решение вопроса...

— А не надо решения! Пусть будет всё, как есть! — Марко не стал скрывать свои тайные мысли. — Будут копии и будет настоящая Прыгалка! Пускай такая, как нашлась... А потом ученые, может быть, придумают способ...

— Какой? — очень серьезно спросил Пек.

— Ну, помнишь, мы говорили про память вещества. Как оно стремится сохранять формы предмета. Может быть, люди научатся пробуждать эту память... И восстанавливать...

— А! Мы говорили о руках Венеры Милосской...

— Да. Только для нее хотели сделать искусственные руки, а здесь — чтобы настоящее. Называется «регенерация»...

— Ну да! — оживился Пек (вроде бы опять слегка насмешливо). — Делают прибор в виде эдакого волшебного ларца. Кладут в нее Прыгалку. Нажимают кнопки, запускают программу... Через пять минут откидывают крышку и достают целехонькую девочку. Да?

— Да! — сказал Марко с вызовом. — А что такого?

Вообще-то он думал о другом способе. Что неплохо бы научиться пробуждать в ладонях теплые струны с волшебными свойствами. Возьмешь в руки фигурку с отбитым плечом, поддержишь, согреешь, и плечо — вот оно... Спрячешь в кулаке ножку с отбитой ступней, зажмуришься, вздохнешь, и ножка — целехонька...

О таком способе Марко сказать не посмел. Но ларец — тоже неплохо.

— Да! А что такого? Может быть, люди сумеют... когда-нибудь...

Нет, насмешки у Пека не было. Он отозвался вполне серьезно:

— Да. Может быть... Но мне кажется, что ты думаешь гораздо дальше...

— Что... дальше? — почти испугался Марко.

Пек чуть улыбнулся:

— О волшебном сундуке, из которого выйдет живая девочка... Икира, я правду говорю?

Икира молчал. Достал рогатку и целился из нее в пустое небо. Икира никогда не врал, но и друзей не подводил.

— Ну вас... — пробормотал Марко.

— Значит, я угадал... Ты слышал про Пигмалиона?

— Кто такой? — надуто сказал Марко.

— Не слышал... Эх, современная молодежь... Есть легенда о древнем скульпторе, который си-

лою любви оживил прекрасную статую девушки, которую изваял из мрамора...

— Никого я не ваял! — тихонько взвыл Марко. — Я просто нашёл!.. Еще и любовь какая-то... Ты пережарился на солнце.

Пек не обратил внимания. Продолжал.

— На этот сюжет написано немало произведений: романов, драм, комедий. У старого забытого поэта есть стихотворение «Пигмалион»...

— Ты набит стихами, как подушка куриными перьями! — Марко своим нахальством хотел отвлечь Пека от рассуждений о любви (пришло же доценту-корреспонденту такое в голову!)

Пек, вроде бы, отвлекся.

— Я не набит, а лишь слегка начинен. Стихи запомнились, потому что там замечательные рифмы:

Феб златокудрий

Закинул свой щит златокованный за море.

И растекалась на мраморе

Вешним румянцем заря...

Это когда Пигмалион увидел мраморную глыбу, подходящую для статуи... Феб, как известно, бог солнца, щит его — солнечный диск... «Щит златокованный за море... и растекалась на мраморе»... Прекрасно, да? Нынешние стихоплеты должны лопнуть от зависти!

— По-моему, ты это сам сочинил, — заявил Марко, чтобы еще дальше отвлечь Пека.

— Нет, Пек не сам, — сказал Икира.

— Это написал поэт по фамилии Мей, — объяснил Пек. — Если бы мне обладать подобным даром... Но я не поэт, я прозаик. Вот закончу свою повесть, и вы убедитесь в моем недюжинном таланте.

— А когда закончишь? — поспешно спросил Марко.

— Как только закончится в этих краях волынка с блокадой...

— Ты напишешь всё, как было? — простодушно спросил Икира.

— Да! Там будет и коричневый мальчик, не терпящий всякую неправду, и похожий на морского конька шестиклассник, который очень боится, что кто-то догадается о разных его тайных чувствах...

— Во-первых, уже семиклассник, — сказал Марко. — А во-вторых, попробуй только написать. Про конька и про чувства... Я отправлю жалобу в Нобелевский комитет, и фиг ты получишь, а не премию...

— Тогда я не дам тебе больше кататься на своем мопеде.

— А тогда... тогда... Ладно не буду отправлять жалобу. Дай мопед. Мы съездим в школу, навесит Володю...

Когда на плюющемся синим дымом драндулете они выкатили на улицу, Икира хлопнул Марко по плечу.

— Отвези меня, пожалуйста, к холму. Там опять запускают змей. А с Володей я виделся вчера.

— Поехали... Щит златой придумал Мей... а Икире нужен змей... Почему я не пишу стихи?

Затмение

Судя по всему, про бежавшего с крейсера матроса знали все ребята на Маячной улице. А может быть, и не только на ней. Слухи-то сочатся, как вода в днище старой шляпки. Но тайна есть тайна, и кому хочется за болтовню получить ярлык хихилы? Поэтому делали вид, что никому ничего не ведомо. Только самые посвященные вели между собой разговоры о Володе...

Володя выздоравливал. Он выходил из убежища подышать свежим воздухом. Чаще всего поздно вечером, но иногда и днем, в заросший садик. Здание школы загораживало это место от дальномеров «Полковника Думы»...

В садике и нашел Марко Володю. Тот укрывался за густыми яблонями и «смолил» сигаретку.

— А я вот наябедничаю доктору Канторовичу, что ты куришь, — пообещал Марко. — Он говорил, что нельзя, а ты...

Володя заулыбался:

— Я больше не буду... А вообще-то на свете столько «нельзя», что каждое не выполнишь, как ни крутись... Где Икира?

— Передавал привет. И усвистал к пацанам, которые запускают с холма нового змея... Потом прибежит...

— Везде ему хочется успеть... — с грустинкой сказал Володя.

— Не всегда... Иногда сядет в уголке, нахохлится и о чем-то думает. Бывает, что целый час... А змей ему нужен, потому что от вибрации нити он получает живую энергию. Так же, как от солнца...

— В соответствии с теорией струн, — вздохнул Володя.

— Что? — вздрогнул Марко.

— Что «что»? — в свою очередь удивился Володя.

— Ты знаешь про теорию струн?

— А кто про нее не знает? Некоторые ученые мужи считают, что из струн состоит вся Вселен-

ная. И не только материальные частицы, всякие там электроны и ядра, но и такая тонкая материя. Как говорится, духовный мир. Все ощущения, настроения и движения души... Мы в универе в спорах на этот счет поломали целый лес копий...

— А я думал, что это лишь моя догадка, — признался Марко. — Моя и... ну еще нескольких человек. — Не знал он: радоваться или огорчаться... Наверно, радоваться. Значит, и его мысли о всеобщем резонансе тоже справедливы.

— Когда о чем-то догадались несколько человек, это быстро становится достоянием человечества, — с оттенком важности заметил Володя. — Только это не всегда приводит к согласию. К пониманию...

— Чтобы получилось общее понимание, надо чтобы все струны зазвучали в резонансе, да? Как в клипере...

— В чем?

— Ну... если хочешь, я расскажу...

Уж с кем, с кем, а с Володей-то у Марко было общее понимание. И он, постеснявшись чуть-чуть, рассказал ему про мечту о звучащем клипере. И о том, как этот корабль будет помогать людям достигать всеобщего согласия...

Володя слушал, не перебивал. А потом сказал:

— Здравомыслящим людям очень захочется обихикать эту идею. Тем, кому новые модели «Вольво» и «Рено» не в пример интереснее всяких парусников... Но мы ведь не совсем здравомыслящие, да?

— Да! Женька говорит, что во мне «ни капли здравомыслия»...

— Старшие сестры всегда правы... Но у них своя правота, а у младших братьев своя... А под бушпритом будет фигура Прыгалки, да?

— Как ты догадался?!

— Ох как трудно догадаться...

— Ты чем-то похож на Пека, — насупленно сказал Марко. — Начнешь ему о чем-то говорить, а он уже всё знает наперед.

Володя не стал спорить.

— Да, в чем-то мы похожи. Резонанс в мыслях порой удивительный... Кстати, Пек обещал, что скоро займется моей переправкой на континент...

— Жалко, что уедешь...

— Расставаться всегда жалко... Потом вспомнаешь и спохватываешься: столько вопросов, которые не успели обсудить... Знаешь что?

— Что? — почему-то встревожился Марко.

— Я сейчас тебе скажу... может быть, не очень приятную вещь, но... надо, чтобы от кого-то ты ее услышал. Чтобы потом не было в жизни всяких кораблекрушений...

— Говори, — хмуро велел Марко.

— Я о клипере. И о тебе. Случается всякое. Мечтает человек о волшебных парусах, а потом приходится идти механиком на траулер или диспетчером на местную электростанцию... И тут главное знаешь что?

— Что?

— Главное, чтобы человек не терял свой корабль ни в каких обстоятельствах. Чтобы клипер всегда жил у него внутри. Тогда струны будут звучать всю жизнь...

Потом оба с минуту молчали.

Володя повозился на скамье. Морщась, потрогал плечо.

— Кажется, я чересчур пафосно высказался...

— Как по книжке, — согласился Марко.

— Ну и что?! Книжки всегда полезны. Без них какая была бы жизнь?

— Паршивая... Только я... прежде, чем податься в механики, всё же постараюсь построить клипер.

— Молодец...

— С Прыгалкой под бушпритом, — сказал Марко чуть насмешливо и упрямо.

— Молодец, — еще раз проговорил Володя. — Дай Бог удачи... А Прыгалку-то когда принесешь? Обещал показать...

— Скоро. Вот закончат Пиксель и Топка мастерить площадь, тогда мы и покажем. Чтобы все было в резонансе... то есть в гармонии и композиции. Это они так говорят...

Топка и Пиксель мастерили площадь старинного города не спеша и со вкусом. Не хотели торопиться, их радовал сам по себе творческий процесс. Они разогревали в теплой воде пластиковые бруски, потом лупили ими о доски и о собственные, похожие на печеные яблоки колени, разминали в ладонях, делили на мелкие кусочки. Из кусочков они выкладывали мозаику желтовато-серых и коричневых цветов. Плавные изгибы орнамента напоминали те, что есть в альбоме про искусство Эллады. Альбом Топка и Пиксель изыали у Икириной мамы в библиотеке на «некоторое неопределенное» время. В чем и расписались...

Площадь была квадратная, небольшая, шириной в полметра. Ее окаймлял черно-оранжевый узор из квадратных загогулин в древнегреческом стиле. На одном краю был вылеплен маленький постамент, в который скульпторы собиравались вмуровать пластмассовую подставку Прыгалки...

А дни шли — в солнце и запахах моря, в футбольных битвах, купанье, «огородно-садовых повинностях» и вечерних беседах у Камней или на дворе у Тарасенковых.

Пек хвастался, какую повесть он скоро напишет и как в ней «воздастся по заслугам» всем его знакомым.

— О каждом — всё по правде. Только Икире припишу кое-какие недостатки. Потому что дитя, которое питается солнечными лучами и никогда не врет, совершенно не реалистично. Читатели не поверят...

Иногда Пек рассказывал про книги писателя Капитана Мариетта, о которых здесь никто не слышал. Или читал никому не известные стихи. Например такие:

Я рагуюсь тому, как связано всё крепко.

Звезду и микромир в душе сливаю я.

Галактики спираль и семена сурепки,

Короткой жизни миг и вечность бытия...

— Вот это уж точно ты сам сочинил, — заявил Марко. В отместку за «шестиклассника с тайными чувствами».

— Ну и... хочешь сказать, что коряво?

— Да нет, ничего... Но все же не Мей... — хихикнул Марко и на всякий случай отодвинулся.

Ты в кришке своей немей,

И, если даже я не Мей,

Суровых выводов не делай.

Не будь как ядовитый змей,

Но будь пушист, как кролик белый... —

тут же откликнулся Пек.

— А это уже полное рифмоплетство, — сказал Марко.

— Нет, не получится у тебя и у меня резонанса, — подвел итог Пек.

Но резонанс почему-то нередко получался...

Однажды Пек сообщил, что через несколько дней случится солнечное затмение.

— Об этом известно во всем мире, и только здешнее население не знает ничего и живет заботами натурального хозяйства...

— Полное затмение? — деловито уточнила Славка.

— Полное будет где-то над Тихим океаном. А здесь чуть-чуть. Луна закроет четвертушку солнечного диска. Но все равно интересно. Еслимотришь в телескоп, на лунной горбушке видны

силуэты горных пиков и хребтов. Космическая картина...

Когда шли домой, Икира, глядя под ноги, сказал:

— Марко, я не буду смотреть на затмение...

— Почему?

— Потому что... солнце заслоняется. Мне от этого как-то зябко. Я даже про солнечные пятна слушать не люблю...

— Но затмение же не солнечное пятно! Просто Луна чуть-чуть наедет, вот и все. Совсем немного и не надолго...

— Я понимаю. Но все равно... — Икира съежил темные, как у мулата, плечи.

— Тогда я тоже не буду смотреть, — решил Марко.

— А ты почему?!

— Объяснить или сам догадаешься? — спросил Марко своего кровку.

Икира не стал врать, что не догадался.

— Я помогу ребятам поставить во дворе телескоп, а сам посижу в сторонке, — решил Марко.

— А я совсем туда не пойду. Лучше с мамой побуду, у нее отпуск по болезни...

— А что с ней? — встревожился Марко.

— Печень болит...

Когда с мамой что-то неладно, то какое уж тут настроение. Марко знал это по себе. Если мама ходила печальная, расстроенная чем-нибудь, ему тоже было тошно (резонанс...). Но в нынешние дни мама была бодрая. Пришли сразу два отцовских письма. Отец писал, что он уже свободен от службы в имперском войске, получил офицерское жалованье за полгода и собирается вернуться домой, «как только закончится там у вас заварушка». А пока лучше подождать. Мол, нюшские комиссары опять привяжутся с мобилизацией и попадешь из одной казармы в другую...

— У нас дома есть лекарство, называется «Нощпа». Икира, я принесу.

— Спасибо, у нас тоже есть. Доктор Канторович дал, когда приходил...

Затмение «было назначено» через два дня. К этому времени Топка и Пиксель сделали наконец «площадь». Она даже без девочки смотрелась красиво. Будто законченная картина. Художники окантовали ее лакированными рейками.

— Мелодии Эллады, — сказал Пек, когда ребята принесли это произведение искусства к нему на двор.

Марко туда же принес Прыгалку. Ее закрепили на подставке. Статуэтку легко можно было снять, если надо куда-то переносить или перевозить.

Топка и Пиксель называли площадь с девочкой «композиция».

Композицию укрепили на щелястом садовом столике. Кусочек городской площади и девочку (пострадавшую от землетрясения, но все равно красивую) словно уменьшили во много раз и перенесли в наше время из древности...

— Классика, — веско сказал Слон. И все согласились. Даже бабка и дед Тарасенковы одобрительно покивали.

— Плохо только, что пластилин не застывает. Сначала был как дерево, а потом, когда размяк, не хочет никак твердеть обратно... — пожаловался Пиксель.

— Потому что жара, — объяснил Топка.

— Хотели эту штуку в холодильник, а она не влезает, потому что она широкая, а холодильник узкий, — добавил Пиксель.

— Затвердеет, когда станет прохладнее, — решила круглая Галка.

— Юрий Юрьевич просил показать, когда все будет готово, — напомнил Пек.

Марко сказал:

— Отнесем в школу завтра, перед затмением... — И глянул на Икиру: «Ты не думай, я не буду смотреть в телескоп, я обещал». Икира играл с пятнистым котенком Тарасенковых. Котенок был доволен, Икира тоже...

Затмение должно было случиться в середине дня. Телескоп установили на школьном дворе заранее. На широком табурете. Недалеко от сарайчика, под которым было Володино убежище. С этого места была видна половина безоблачного неба, а залив с крейсером заслоняли невысокие, но густые акации.

Не будь крейсера, наблюдать затмение можно было бы из верхней комнатки. Но ведь бдительные нюшские моряки могли углядеть в стереотрубы раскрытое окошко и телескоп на подоконнике. Чего доброго, решили бы, что школьники шпионят за доблестным «Полковником Думой». Не стоило лишний раз рисковать.

Солнце забралось на высоту и жарило изо всех сил, а встречаться с Луной время ему еще не пришло. Поэтому решено было устроить «вернисаж». Топка и Пиксель заранее принесли в плоской картонной коробке «площадь». Марко достал из ранца Прыгалку. Композицию утвердили недалеко от телескопа, на другом табурете.

Собралась почти вся компания с Маячной и двое ребят с соседней улицы, с Компасной — Сергийко Левченко и Толик Мовчун (из того же класса, что Матвейка Кудряш). Только Икира не пришел. Марко из-за этого чувствовал себя

слегка неуютно, хотя знал заранее: Икира сидит с мамой.

Да, и еще Пек не пришел! Он сказал, что будет работать над рукописью, а на затмение глянет, выбрав минутку, в свой бинокль.

Появились Юрий Юрьевич и тетя Зоря. Поглядывая по сторонам, выбрался на свет Володя — в брюках директора, в клетчатой рубашке Пека, побритый и вполне здоровый на вид. Все ребята, конечно, знали теперь про беглеца с крейсера, но тайну хранили железно. Делали вид, будто верят: это, мол, приехал в гости к тете Зоре племянник с ближнего хутора.

Обступили табурет с площадью и Прыгалкой. Поразглядывали так и сяк. Сказали «сила», «клево», «ось, гарно...» и даже «зашибись...»

Володя наклонился к Марко и шепнул:

— Слов нет... Живая девочка...

Юрий Юрьевич заметил:

— Этот экспонат я с удовольствием выпросил бы для школьного музея... Но ведь Марко не отдаст.

— Не отдам, — сказал Марко чуть виновато, но твердо. — Лучше уж берите насовсем телескоп...

Директор почесал бровь.

— Широкий жест. Надо обдумать...

Марко добавил:

— Когда друзья Пека пришлют копии, одну можно взять в музей. А Топка и Пиксель сделают вторую «площадь»... Сделаете?

— Факт, — сказал Топка. Пиксель хотел прокомментировать этот факт подробно, однако Крапец (который чуть не сбил телескоп) напомнил:

— Щас начнется!

Марко надел на трубу темный фильтр.

Топка сказал, что пластилин плавится на солнце и «площадь» с девочкой надо унести в тень. Унесли вместе с табуретом в сарайчик, поставили у дальней стены.

Встали в очередь к телескопу. Поглядели все — даже директор и тетя Зоря — как черный бугристый шар в красноватом пространстве наезжает на серебристый солнечный круг. Не шумели, не толкались и не спорили, лишь Сергийко и Толик пихнули друг друга локтями, но Слон показал им кулак.

Потом, чуть передвинув трубу, посмотрели по второму разу. Потом еще...

— Дыхание Вселенной, — выговорил Володя с грустной ноткой. Марко вспомнил стихи Пека о галактике и семенах сурепки...

Стали расходиться.

Славка оглянулась на Марко:

— А ты почему ни разу не взглянул?

— Я только вчера летал на Луну, видел все вблизи.

— Понятно, — кивнула Славка. И неизвестно, что при этом подумала.

У телескопа остались Марко, Топка, Пиксель и Кранец. Неподалеку был и Володя, присел на порог сарайчика. Юрий Юрьевич сказал, что пойдет писать отчет по итогам учебного года. Для имперского Минросса. Блокада блокадой, а отчетность отчетностью. Тетя Зоря тоже ушла внутрь школы.

Марко взялся было разбирать телескоп — для переноски наверх.

— Давай помогу, — сунулся Кранец.

Марко хотел сказать, что лучшая помощь, если он аккуратно посидит на лавочке. Но пожалел неудачника.

— Помоги. Придержи треногу...

В этот момент во двор ворвался взмыленный Матвейка Кудряш.

— Марко! Ребята! Кукурузники идут, прямо сюда!

Володя встал, неловко развел руками: приходится, мол, снова нырять в подполье... Исчез в сарайчике, захлопнулась за ним крышка люка. Топка и Пиксель сообразили: тоже кинулись в сарайчик, поставили на крышку табурет с «площадью» и девочкой. Мол, нет здесь никакого подполья. Правда, края люка все равно были видны...

«Может, пройдут мимо?» — подумал Марко с ощущением близкой беды. Он уже чувствовал, что не пройдут.

Не прошли. Появились во дворе вчетвером. Двое — старые знакомые — марин-сержант и «Дуремар». Еще двое — одинаково низкорослые, кривоногие, с рыскливыми глазками. Быстро оглядели территорию.

— А ну, школяры, говорите, як на духу, где ховаете шпиёнов и дезертиров? — добродушно сказал всем сразу марин-сержант и прошелся взглядом над головами.

Пиксель и Топка встали в дверях сарайчика. Пиксель вежливо сказал:

— Никого мы не ховаем, здесь кружок занимается по астрономии, только что наблюдали затмение...

— Ученые, значит. Это добре, — тонким голосом заявил «Дуремар». — Мы вас, вроде бы, в прошлый раз бачили. То неспроста...

В открытом окне второго этажа показался директор.

— В чем дело, господа? Здесь школа. Она под имперской юрисдикцией!

— Твою юр... дик... пикцию мы видели знаешь где? — спросил «Дуремар». И сказал, где. Двое кривоногих коротко поржали.

У черного входа школы появилась тетя Зоря. С метлой, как с алебардой.

— Ты чего это лаешься при детях, бессовестная рожа! Я вот как впишу тебе черенком промеж лопаток!..

— Дывись, хлопцы, яка адмиральша, — по-прежнему добродушно заметил марин-сержант. — Ну, точь-вточь моя теща, тильки ж...а не така толста...

— Тетя Зоря, дайте ему по хребту, — бесстрашно попросил Матвейка Кудряш.

Марин-сержант качнулся к нему, тот отскочил.

Юрий Юрьевич снова сказал из окна:

— Ступайте прочь. Много ли надо геройства воевать с детьми?

— А ты, пане начальник, уйми своих диток, — посоветовал марин-сержант. Попрочнее расставил ноги, поправил берет с малиновым шариком, вскинул голову к окну. — И сам уймись, у тебя свои заботы, у нас свои, бо велено шукаты биглых нарушителей.

— Шукай в своем кармане, — посоветовал издалека Кудряш.

Директор сказал:

— Тарханайская коса имеет статус нейтральной территории. У вас есть на руках разрешение для производства обысков?

— А то як же! Ось... — марин-сержант с удовольствием погладил по вороненой спинке свой Б-2 с подствольником, из которого торчал похожий на толстую авторучку снарядик.

Марко взглядом подозвал Кудряша:

— Слняй незаметно к Пеку, скажи про все!..

Кудряш кивнул, отступил на шаг, на два, оказался у акаций. Ускользнул. «Кукурузники» на него не смотрели. Смотрели на своего командира, который вдруг шагнул к телескопу, пригладился:

— Шо за дудка? Як пехотный миномет, я такие бачив у морпехов.

— Оптическая труба, — разъяснил «Дуремар». — Можно в нее наблюдать всякую астрономию, а можно и боевой корабль, щоб узнавать всякие военные секреты, да сообщать императорской разведке...

— Ясная ситуация, — кивнул марин-сержант и глянул на тетю Зорю. — А шо у вас, бабка, вон в той халабуде? — и подбородком показал на сарайчик. В дверях там по-прежнему стояли Топка и Пиксель.

— Там, касатик, еще одна метла, покрепче

этой, — сообщила тетя Зоря с ласковой угрозой. — Хощь попробовать?

— Треба глянуть, шо за метла, — решил командир патруля. — Пийшлы, хлопцы...

Они вчетвером шагнули к двери.

— Геть! — велел марин-сержант Пикселю и Топке. Они попятнулись. А что им было делать?

Зато знал, что делать, Кранец!

Он прыжком занял место Пикселя и Топки, поддернул полосатые штаны и надсадно заорал:

— Чё вы тут ходите, крысы земноводные! Тошно стало на своем корыте, да? Ржавчиной обросли?! Самогонки не хватает?!

Несколько секунд четверо патрульных смотрели на взбесившегося толстого мальчишку. Того просто распирадо от ярости:

— Чё приперлись на чужой берег?! По бабам соскучились?! Так нету их тут для вас ни одной! Медузы воночие!

Марин-сержант пришел в себя.

— Хлопцы! Доставьте-ка мне того скаженного пороса. Та сорвите «тараскины слезы». Знаете такую травку?

— А то як же! — обрадовался «Дуремар». Он и двое кривоногих быстро шагнули к орущему Кранцу. Тот обрел неожиданную резвость. Метнулся к ракушечному забору между сарайчиком и школой. Взлетел на крытый черепицей гребень. Заголосил сверху:

— Ха! Поймайте сперва! Штаны порвете, пока бегаете!..

Каждому, кто знал про Володю, ясно было, что Кранец уводит патрульных от сарая.

— Ну, чё встали? Кишки свело? Письки кукурзные!

Последние слова были нестерпимы для доблестных представителей нюшкиного флота. Они втроем взревели и запрыгали, чтобы ухватиться за верх забора и подтянуться. А Кранец — он дурак, что ли, ждать их? Подскачил к углу школы, там биты были скобы — путь на крышу. Кранец вцепился в них, как обезьяна, оглянулся.

«Дуремар» и два других матроса торчали под забором и часто дышали. Понимали, что догнать пацана не сумеют — вроде бы грузный, а такой верткий, зараза...

— Може, стрельнуть?... — неуверенно сказал один из кривоногих. Все трое оглянулись на командира. Но марин-сержанту было уже не до Кранца. Он стоял навтыяжку и держал у щеки коробку радици.

— Слухаю, пане капитан другого рангу! Никак не маю, ваша вельможность... Сей же момент, ваша вельможность...

Он опустил радицу, зло глянул на матросов:

— Швядче на пароход! Командиры велют... Якие-то новые там заботы...

Они спешно зашагали со двора. Но через несколько шагов остановились. Оглянулись. «Дуремар» погрозил Кранцу кулаком, а марин-сержант велел:

— Хлопцы, да тюкните вы ту самоварную трубу. Ясно же, шо шпигунский аппарат...

Один из кривоногих дернул автомат и с локтя выпалил по телескопу.

Б-2 грохнул, как пушка. Или это грохнул разорвавшийся снарядик...

Все оглохли на полминуты, а когда пришли в себя, патрульных не было. И телескопа на табурете не было...

Но телескоп уцелел. Его просто сбросило в траву вихрем от пролетевшего вплотную снарядика (или мини-гранаты, или большущей разрывной пули — черт знает, как эту штуку называть). Сработал снаряд внутри сарайчика. Видимо, он ударил прямо в Прыгалку...

Марко ощутил кислый запах взрывчатки, как после обстрела на берегу.

Он не сразу понял, что Прыгалки нет. Что ее нет с о в с е м. Что крохотные керамические крошки — это все, что от нее осталось. Крошки впились в колени, когда Марко лазил в дыму по цементному полу, пытаясь найти девочку.

Потом понял, что не найдет, вышел из сарайчика, сел на табурет рядом с валявшимся в сурепке телескопом. Сидел, снимал помусоленным пальцем крошки с колен, вытирал палец о нагрудный карман и смотрел перед собой.

В ушах словно все еще гудело эхо разрыва. Он плохо слышал, что говорили вокруг. Появился Пек. Сказал, кажется, что отправил через Космосеть информацию международным наблюдателям — о нападении матросов «Полковника Думы» на школу. Будет скандал на весь мир. Марко равнодушно кивнул. Никакие скандалы не могли помочь его беде.

Две радости были у него этим летом. Первая — Прыгалка. Вторая — Икира, их союз-кровка. Прыгалки нет...

— Икира не пришел? — спросил он. И услышал сквозь вату в ушах, от Пека:

— Икира уехал. Еще утром...

— Куда?!

— В Казанкóй, с мамой. Туда поехал доктор Канторович и забрал их с собой. В Казанкое хорошая больница, а главный врач — его друг. Они до-

говорились, что положат Икирину маму на обследование. А Икира побудет с ней... Они уехали неожиданно, доктор спешил.

Одно к одному...

— Марко, он просил передать тебе, что позвонит с больничного номера на мой мобильник. Это получится. И вы поговорите...

Марко кивнул. И спросил шёпотом:

— А что с его мамой? Так плохо, да?

— Да нет, не так уж плохо. Однако доктор сказал, что нужна профилактика и нельзя упускать возможность. Бесплатную, к тому же... А она сказала: «Поеду, если Иванко будет со мной. Без него я там изведусь...»

Все стояли вокруг и понимающе молчали.

Потом Топка сказал, что пластилиновая «площадь» почти не пострадала. Удивительное дело. Похоже, что все осколки ушли вверх и в стороны, а мозаику зацепили не сильно. Починить можно за час.

— Мы вечером принесем ее тебе, — начал объяснять Пиксель. — Она ведь все равно пригодится. Появится копия девочки, и ты поставишь ее туда...

— Да, конечно, — выговорил Марко. — Спасибо... — И потекли слезы.

Марко не стал их скрывать. Снимал капли со щек ребром ладони и стряхивал в траву. И все опять молчали рядом. Потом сбоку подошел Кудряш, тронул Марко за плечо:

— Посмотри, вот. Я там нашел...

Он держал на ладони крохотную коричневую ножку. Босую ступню, отбитую повыше щиколотки. Марко перестал всхлипать, положил ножку на свою ладонь, медленно укрыл пальцами.

В маленькой ступне Прыгалки сидела колючая боль. «Подожди», — мысленно сказал Марко. И заставил дрожать струнки. Те, которые в ладони и те, которые вокруг. И те, которые в клипере... Ступня чуть заметно задрожала в ответ. В ней появилось пушистое тепло.

«Больше не болит?»

«Нет...»

Захотелось опять заплакать, но Марко переглотнул комок, потрянул головой. Оттянул на рубашке карман, аккуратно спрятал ножку Прыгалки. Посмотрел на всех.

Были здесь не только ребята и Пек. Были и директор, и тетя Зоря, и Володя. Впереди Володи стоял Кранец. Володины ладони лежали у него на плечах...

Все без лишних слов понимали, что отныне Фимка Левада — другой человек. Никто больше не будет звать его Померанцем, а прозвище Кранец станет именем героя. Потому что если бы не

он, патруль полез бы в сарай и запросто мог обнаружить лок...

Следы

Решили, что надо расходиться.

— Будьте осторожнее, мальчики, — сказал директор Гнездо. — Видите, какие времена...

Ему обещали быть осторожными.

Топка и Пиксель понесли квадратную фанеру с мозаикой к себе домой — для ремонта. Марко умылся у трубы с краном. Тетя Зоря повела Володю кормить обедом. Чтобы ни случилось, а выздоравливающие люди должны питаться регулярно. Пек сказал Марко:

— Ты потом загляни ко мне, — и тоже ушел. Марко, Кудряш и Кранец понесли наверх телескоп. Устанавливать на подоконнике не стали, убрали в угол... Марко вдруг почувствовал, что ему очень хочется здесь же в углу лечь на половицы и уснуть. Он еле заставил себя спуститься с ребятами во двор и потом добрести до Маячной. Кудряш и Кранец проводили Марко до калитки. Он не спорил.

В своей хижине он достал из кармана ножку Прыгалки, спрятал ее под подушку и лег ничком. Снова заплакал. Теперь не было никого рядом, и он плакал от души. Но недолго, потому что быстро уснул.

Засыпая, он подумал, что хорошо бы увидеть во сне Прыгалку. Живую. Это означало бы, что она не погибла, что где-то она есть.

Но увидел он Икиру.

Они были одни в замершем поселке. Ни цикад, ни петушиных криков, ни голосов. Ни души вокруг. И понимание, что в домах — тоже ни души.

Они шли посреди белой улицы, с которой исчезли все деревья, вся трава. Палило солнце. Оно было такое яркое, что Икирины шортики блестели, как новый лавсановый парус. Но в солнце не было тепла, была лишь беспощадность. Марко не нравилось это солнце. Икире оно тоже не нравилось. Две черные тени шагали сбоку от Икиры и Марко по белой щебенчатой дороге. Они накладывались друг на дружку, перепутывались ногами и отставали в движениях от хозяев.

Куда они с Икирой идут, Марко не знал. Знал только, что это важно для Икиры и что надо спешить. Однако спешить не получалось — ноги тяжелели, к босым ступням прилипла щебенка...

Икира быстро глянул на Марко лиловыми глазами, сказал неуверенно:

— Ничего, успеем...
Куда успеем? Зачем?

Никуда они не успели. Четверо в камуфляже вырвались вперед. Лица у них не было, были маски из той же камуфляжной ткани, что комбинезоны. Икира вдруг сильно оттолкнул Марко в сторону и встал посреди дороги. Щуплый, на расставленных ногах-стебельках, со вскинутой головой. Взлетели и мягко опали выгоревшие волосы.

Марко понял, что четверым нет дело до него, до семиклассника Солончука. Они видели только Икиру. Сдернули с плеч вороненные Б-2 и пошли к нему шеренгой. Хрустел гравий. Икира стал отступать. Он пятился. Потом позади него возник белый (очень белый!) дом с черными провалами выбитых окон. Икира прижался спиной между окнами. И смотрел на убийц в масках без боязни и без надежды...

Много раз потом — и в снах, и наяву — Марко презирал и корил себя за те полсекунды малодушия, которые помешали ему сразу броситься наперерез врагам. В общем-то ничего эти полсекунды не решали. Просто было стыдно за трусость. Он всё равно бросился и заслонил Икиру и увидел, как от стволов Б-2 полетели дымные колечки...

Ну и что?

Врагам нужен был не он, а его кровка Икира. Пули ударили в Марко, безболезненно прошли сквозь его тело, а Икира негромко вскрикнул у него за спиной. Марко оглянулся. Икира лежал ничком...

Марко потом удивлялся, какие подробности, совсем как по правде, были у этого сна. Мельчайшие. Он видел, как горели на щебенке солнечные искры. Как валялись вокруг камушки и ракушки от порвавшегося Икириного ожерелья. Как белели следы известки на острых лопатках Икиры, которыми он только что прижимался к стене. Как из-под плеча Икиры выползала на ракушечную плитку алая змейка. Как вздрагивали завитки его волос.

Марко перевернул невесомого Икиру на спину. Глаза его были закрыты, а рот приоткрыт, и между губ ярко белела полоска зубов. Марко охнул, увидев ниже ключицы черную дырку с красными пузырьками по краям.

«Ничего, ничего... я сейчас... потрепи...» Надо было рвануть рубашку, обмотать плечо, положить на него ладони и собрать в них энергию. Силу дрожащих струн всего мира... «Сейчас...»

Он забыл про врагов. Но они напомнили о себе. Хрустом шагов. Марко увидел, что они приближаются ровным шагом, не опуская автоматов. И

ощутил, как несет от них запахом гари и ружейной смазки, вонью пропотевших ботинок, трупной гнилью. Марко оглянулся. Он заметил телескоп. Тот, как ни в чем ни бывало, стоял на треноге в двух шагах, словно ждал. Марко бросился к нему, поднял на трубе прицельную планку. Внутри трубы он в комок собрал перед рефлектром свое отчаянье, страх за Икиру, ненависть к вонючей пятнистой смерти и надежду на спасение. Не было спусковой кнопки, и он просто потряхнул трубу. Она выбросила бледно светящийся шарик. Тот ударил в крайнего стрелка. Стрелок выпустил автомат и вспыхнул. В одну секунду он превратился в черный дымящийся комок и пропал. Остальные трое повернулись и деловитой рысцой побежали прочь. Но шарики из телескопа догоняли врагов, и те тоже превращались в клубки дымящейся тьмы. Исчезали. Все кончилось в несколько секунд. Марко сжал в себе смешанное со слезами торжество и повернулся к Икире. «Сейчас мы к доктору Канторовичу...»

Икиры не было.

Было только алое мокрое пятно на ракушечной плитке. А Икиры не было *нигде*. Ощущение этого «нигде» задавило Марко своей безнадежностью.

«Икира-а!!»

— Икира!! — Марко вскинул себя на локтях.

Теплые ладони легли ему на плечи.

— Маричек, успокойся. Все хорошо.

Только сестра Женька называла его так — Маричек. И то нечасто. Лишь в минуты огорчений и обид. И случалось это, когда он был еще малышом.

Марко взял ее за веснушчатый локоть, прижался щекой к голому плечу.

— Ты что? Плакал? — шепнула она.

— Не знаю... Наверно, — выдохнул он.

Не все ли равно, плакал или нет. Не в нем дело. Главное, что недавний ужас оказался неправдой. Что Икира далеко отсюда и — слава Богу! — в безопасности...

Марко отвалился на подушку. Сон тускнел, страх уходил... а на место его возвращалась горькая память о Прыгалке. О потере не во сне, а наяву. Опять запершило в горле. Марко зашарил под подушкой, нащупал крохотную керамическую ножку, взял на ладонь.

— Вот...

Ему очень захотелось рассказать о судьбе Прыгалки, обо всем, что случилось на школьном дворе. Выплеснуть печаль. А кому, если не сестре? Она бывает вредная порой, но сейчас — самая родная.
«Маричек...»

Женя взяла в свои ладони пальцы Марко с ножкой девочки.

— Маричек, я все знаю...

— Откуда?

— Пек приходил, рассказал... Ты спал, спал, а он сидел, ждал, когда проснешься, и мы разговаривали. Он так и не дождался, ушел...

— А зачем он приходил? — новые страхи зацарапали Марко.

— Да все в порядке. Просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь. И сказать, что Икира с мамой устроились в Казанкое нормально. Доктор приехал, сообщил... И с мамой его ничего страшного, подлечат...

Сразу — от мыслей об Икириной маме к мыслям о своей:

— Жень, ты ничего маме не говори, ладно? Про то, что случилось...

— Не буду... Папа придет, расскажешь ему. Мужчины лучше разбираются в военных делах...

— Когда еще придет-то...

— Думаю, что скоро... Иди умойся.

Марко умылся на огороде под краном. Женя принесла ему большую кружку холодного молока и кусок пирога с капустой. Это был ужин. На часах оказалось уже около восьми. Правда, солнце еще не зашло...

Со двора кликнула Марко мама: помоги, мол, собрать с веревки выстиранные простыни. Марко помог. Сказал деловито:

— Еще сыроватые, по-моему...

— Высушу утюгом...

Прохладная ткань касалась щек, локтей, коленей. словно тонкая парусина, которую подтягивают к реям на стоянке в порту. Делалось спокойнее...

Прикатили на велосипедах Топка и Пиксель. С грузом на багажниках. Топка привез отремонтированную «площадь», а Пиксель — Кранца. Кранцу почему-то захотелось навестить Марко. Везти на багажнике грузного пассажира было трудновато, но кто теперь мог отказать в просьбе герою.

Квадратную фанеру с пластилиновой мозаикой положили на бочку-стол в хижине Марко. В окно светило уходящее солнце, с тумбочки — настольная лампа. Смешивались закатные лучи и электрический свет. На мозаике не осталось от взрыва никаких следов. Только на лакированной раме — черный шрамик от осколка.

— Если хочешь, заделаем и его, но мы подумали: «Может, не надо?» Пускай будет на память... — объяснил Пиксель.

— Пускай будет... — согласился Марко.

То место, где раньше был цоколь для Прыгалки, теперь закрывал пластилиновый квадратик.

— Когда появится копия... ну, та, которую обещал Пек, сделаем другую подставку, — сказал Пиксель.

— Да, конечно. Спасибо... — отозвался Марко.

Опять щекотало в горле.

Твердая ножка Прыгалки ощущалась сквозь нагрудный карман.

Марко показалось, что она опять болит, и он прикрыл карман ладонью.

— Пек сказал, что Володю отправят завтра или послезавтра, — вдруг сообщил Кранец.

— Доктор скоро снова поедет в Казанкой, — объяснил Топка. — Там корреспондентский пункт миротворческой миссии. Володе склепали какие-то документы...

«Еще одно расставание...» — подумал Марко.

— К тебе Славка хотела заехать, — вдруг вспомнил Кранец. — Уже села на велосипед. А потом...

— Что потом? — спросил Марко.

— Говорит: «Да ну... Еще вообразит что-нибудь...»

— А что я могу вообразить? — Марко пожал плечом. Слишком резко. От этого движения перекосилась на груди рубашка и в кармане (в правом, не в том, где ножка) тяжело шевельнулась медаль.

И сразу толкнулась мысль:

— Кранец, ты ведь сегодня спас Володю...

— Да ладно тебе! — и видно стало, что уши Кранца засветились как стоп-сигналы.

— Подожди... Вот... — Марко вынул металлический кружок с морским коньком. Было жаль с ним расставаться, но этого требовала справедливость. Так, по крайней мере, казалось в тот момент. Марко. — Это тебе... Такой джольчик получше, чем пробка...

— Да ты чего... — забормотал Кранец. — Это же твой... твоя...

— Была моя, теперь твоя. Так надо...

Кранец медленно взял. Если дарят джольчик, отказываться нельзя. Такой обычай...

— А как же ты? Без него... без нее? Хочешь мою пробку?

— Джольчиками не меняются, — сказал Топка. — Дарить можно, меняться нельзя... Да после того, что было, Марко может взять любой камушек со школьного двора...

Пиксель напомнил:

— Осталась ведь ножка от девочки. Самый лучший джольчик.

Марко мотнул головой.

— Я дождусь Икиру. Он мне даст что-нибудь от своих бус...

Крәнец держал медаль на ладони. Разглядывал, поглаживал пальцем...

Марко проводил ребят до калитки. Подошел к собачьей будке, приласкал старого Бензеля. Бензель снисходительно лизнул мальчишке ладонь. Они были ровесниками, но Бензель считал себя гораздо старше и умнее — ведь он стал уже стариком, а Марко остался ребенком, только вытянулся в длину.

В хижине Марко снова включил на тумбочке лампу, разделся и залез под простыню. За окном темнело, дрожал яркий Юпитер. Ясно было, что сон придет не скоро, ведь Марко недавно проспал несколько часов. Он дотянулся до полочки, взял растрепанную книжицу Джона Колдуэлла «История клиперов». Известную до последней строчки, а для планов Марко в общем-то бесполезную. Потому что устройство знаменитых парусников давно известно и ничего нового Марко здесь все равно не придумал бы — ни в корпусе, ни в рангоуте, ни в парусах. А о струнах, которые должны звучать в кораблях, стригущих гребни волн, в книге не было ни слова. Наверно, в пору «Катти Сарк» и «Джемса Бейнса» это никому не приходило в голову. Все были уверены, что мир состоит просто из атомов и струны здесь ни при чем...

И Марко отложил книжку.

Снова ожила печаль о девочке Прыгалке. Что, если в момент взрыва боль пронзила ее тельце? И вот девочки нет, а боль осталась...

Марко взял с табурета рубаху, вынул из кармана керамическую ножку. Она затеплела.

«Больно?»

«Не больно...»

Это хорошо, когда не больно. Только... дальше-то что?

А что если... Марко грустно улыбнулся мечте о несбыточном. Потом подумал уже без улыбки: «Ну а все-таки... а вдруг?»

Если в теплых ладонях с дрожащими струнками держать терракотовую ножку каждый день? Вернее, каждую ночь. В ладонях, под щекой или под подушкой... Может быть, в осколках предметов и правда хранится память о целых, еще не разбившихся вещах?

Если очень *постараться*, очень *захотеть*, то, возможно, миллиметр за миллиметром (или пусть даже микрон за микроном), керамическая материя начнет нарастать, нарастать... И вдруг однажды утром он ощутит в ладонях фигурку с откинутой головкой, разведенными в сторону ручками, с тонкими икрами ножек: одной — прямой, другой — согнутой для прыжка.

«Она не поместится в ладонях», — сказал себе Марко.

«Ну и пусть не поместится. Пусть окажется на подушке. Или прямо на «площади», где стояла раньше. Целехонькая и... живая. Потому что в ней — душа!»

Марко взял ножку в сдвинутые ладони, положил их на подушку, осторожно лег на них щекой... Да, он спал днем несколько часов, но теперь сон милостиво пришел к нему снова. На этот раз — хороший сон.

Марко, в точности, как он ждал, ощутил в ладонях твердую фигурку. Сердце трепыхнулось, но не сильно. Он почти не удивился. Осторожно отнес Прыгалку к бочке, где лежала пластилиновая мозаика. Поставил девочку на прежнее место. Она держала в сжатых пальцах нитку-скакалку.

Марко отошел и сел. В окно светила большая луна. Ей не полагалось нынче светить, ведь было новолуние! Именно в пору новолуния случаются затмения солнца, и одно из них произошло сегодня днем! Подумав про это, Марко наконец понял, что все вокруг — сон. И не огорчился. Стал осторожно руководить этим сном.

«Тебе надо вырасти», — шепнул он. И девочка выросла. Закачалась над столом в лунном мареве.

«Позови меня», — попросил Марко. Она повернулась к окну (ставшему очень большим), затем оглянулась и сказала чуть слышно: «Побежали...»

И они побежали от окна, как от распахнувшейся двери. По лунному, пахнувшему водорослями пространству, в котором со всех сторон мерцало море. А под ногами разматывалась дорога с хорошо различимой греческой мозаикой, с бордюром из квадратных завитушек...

Они бежали рядом. Бежали долго, но дыхание ничуть не сбивалось. Девочка на бегу прыгала через веревку. Иногда она взглядывала на Марко и смеялась. Однако лицо ее было почти неразличимо. Луна светила ярко, но волосы густо падали на лицо, и сквозь них только блестели глаза. Временами казалось, что на волосах вспыхивает желтоватый отблеск.

Марко наконец решился:

— Как тебя зовут?

«Уж не Юнка ли?»

Она ответила с рассыпчатым смехом:

— Не выдумывай! Я просто Девочка. Девочка прыгалкой...

«Ну и хорошо», — подумал Марко без печали. Даже с облегчением.

Луна погасла, и сразу же взлетело из-за туманного горизонта солнце.

«Феб златокудрий закинул свой щит златокудраный за море...» Только сейчас — наоборот: не закинул, а вскинул над морем. «И растекалась на мраморе вешним румянцем заря...»

Розоватые лучи и правда растекались по белым колоннам, стенам и ступеням старинного города. По таким же белым одеждам жителей, которых становилось все больше. И на Марко оказалось что-то белое, легонькое. Кажется, называется «тунника». Она пахла, как мамины прохладные простыни. И юбка Девочки — коротенькая, с широкой ляжкой через красновато-коричневое плечо — сверкала снежным блеском.

А волосы Девочки и правда оказались золотисто-рыжими. А глаза, глядевшие сквозь прядки, голубыми. А лицо... нет опять непонятно, какое. То мелькнут яркие губы, то смуглые щеки, то ухо с бирюзовой горошиной-сережкой.

Девочка взяла Марко за руку тоненькими теплыми пальцами. Бок о бок они пошли посреди широкой, обставленной статуями улицы. Прохожие смотрели с понимающими улыбками: «Вот Девочка вернулась и привела с собой друга...»

По ступеням широкого амфитеатра сбежала на площадь толпа мальчишек и девчонок. Маленьких и больших — всяких. Вместе с ними двигался, подлетая над головами, большущий белый змей очень сложного вида. Его вели на шнурах-поводках. Он казался громадным, как храм.

— Идем! — сказала Девочка. — Сейчас будет запуск! В честь богини Афродиты!

И они сразу оказались на склонах каменистого холма. Возможно, это был Фонарный холм, только в давние времена. Среди камней росла знакомая желтая сурепка. А еще — кусты сероватой пахучей полыни. Вокруг холма синело громадное море, на склонах громоздился мраморный город. Ветер дышал солью, йодом и теплыми травами. На змее нетерпеливо стрекотали десятки пергаментных трещоток. Он, готовясь к полету, держался метра в пяти над ребятами. А ребят было человек сто, не меньше.

Мальчики заводят на горе

Вечные мальчишеские игры... —

вспомнил Марко.

А почему только мальчики? Девочек вон сколько...

Девочки заводят на горе

Вечные девчоночьи игры...

Не очень складно, зато справедливо. А еще справедливее, чтобы все вместе:

Мальчики и девочки скорей

Манят змей в свои ребячьи игры.

Средь травы, в полынном серебре

Блещут солнцем маленькие икры...

Бронзовые икры, локти, спины и плечи в самом деле отражали «щит златокудрого Феба». Многие из мальчишек были полуголые, только в белых тряпицах на бедрах. Тощие и смуглые, как Икира.

Марко подумал про Икиру, и тот сразу появился рядом. На плече его белел приклеенный пластырем ватный тампон. Это ударило по Марко резким толчком страха. Но Икира был резв и беззаботен. Радостно блеснул фиолетовыми глазами:

— Ура, я успел!

Но тут же огорчился:

— Нет, не успел. Не за что ухватиться...

Дело в том, что ведущие к змею шнуры были схвачены-перехвачены сотнями ребячьих пальцев. Вплотную. Нет места, чтобы кому-то ухватиться еще. А ведь Икире так хотелось подержаться за нить чудесного змея, ощутить его трепет, вообрать его волшебную силу...

— Подождите, — сказала Девочка. И стала быстро пробираться к ближайшему шнуру. На нее оглядывались недовольно, однако, не спорили. Видимо, здесь не любили ссор. Девочка что-то проговорила на незнакомом языке. После ее слов ребята начинали улыбаться, раздвигались. Между сомкнутыми пальцами двух мальчиков Девочка пропустила конец своей скакалки. Затянула узелок. Отступила, вытягивая шнур-прыгалку за собой. Дала свободный конец Икире.

— Держи крепко...

— Да! — просиял он.

Змей, сияя белизной и стрекоча, стал быстро уходить в синеву древнего неба. Шнур в пальцах Икиры натянулся и начал скользить, делаясь всё длиннее.

А Марко вдруг понял, что сон сейчас кончится. Он хотел ухватить Девочку за руку, но всё стало таять, угасать...

Марко проснулся без печали. Ни о чем не жалея. Полежал, не открывая глаз и улыбаясь. Сквозь опущенные веки просачивалось утро. Он подумал, что надо посмотреть: вдруг ножка малютки Прыгалки выросла хотя бы чуть-чуть. После такого сна всё возможно!

Он придвинул к лицу сжатые пальцы и... понял, что ножки в кулаке нет.

Ее не было нигде. Ни на подушке, ни в складках скомканной простыни. И под подушкой не было. И под лежаком... И во всей хижине ее не было — ни на полу, ни на фанере с мозаикой, ни под ней... Ни на подоконнике, ни внутри тумбочки, ни на полке с книжками... Ну что она, растаяла, как льдинка?

Тоска и страх вернулись к Марко. То, что случилось, было не просто потерей. Это было предсказанием беды... Может быть, не стоило отдавать Кранцу джольчик?

Марко — встрепанный, в одних плавках — выскочил на двор, обошел вокруг хижину. Словно ножка Прыгалки могла сама собой ускакать наружу и затеряться в лебедь и сурепке. Коварно проросшие среди мирной травы «тараскины слезы» цапнули его за ногу. В другом случае Марко завизжал бы и запрыгал, как на сковородке. А сейчас только стиснул зубы: «Так тебе и надо...»

Он вернулся в хижину, сел на постели, уперся локтями в колени, ладонями обхватил щеки...

Ну, почему всё так получается?.. Может быть, он в чем-то виноват?

Марко услышал, как вошла Женя. Но не поднял лица. Ожог на ноге горел так, что выжимал слезы. Да ожог ли?

— Маричек, ты чего такой? Сидишь голый, взъерошенный?

У Марко толкнулась догадка!

— Женька, это ты спрятала ножку?

— Какую ножку?

— Прыгалкину ногу! Ее нет нигде... Я подумал: вдруг ты подобрала на полу и положила куда-то...

— Маричек, я... нет. Зачем бы я... А ты везде хорошо посмотрел?

Марко снова обмяк. Подумал с растущим раздражением: «Сейчас будет вздыхать и советовать: посмотри снова, как следует, во всех углах...»

Женя сказала:

— Может быть, ночью ты поиграл, а потом спрятал в укромное место и забыл... А?

— Как поиграл? Чего ты городишь! Я спал...

— Не сердись. Поиграл и не помнишь теперь... Ведь кто-то же отпечатал на пластилине следы...

— Какие следы?! — Марко рванулся к мозаике.

Пластилиновый узор пересекала цепочка следов. От крохотных босых ступней. Четкие такие оттиски, различим каждый пальчик...

Марко с минуту смотрел молча. Пробормотал:

— Может, ребята вечером баловались, а я не заметил?

Не мог он этого не заметить. Да и не решились бы Топка, Пиксель и Кранец на такое дело... Но должно же быть какое-то объяснение!

Женя взяла его за плечи, спиной прислонила к себе.

— Маричек, это не ребята. Где они взяли бы вторую ножку?

— К... какую вторую? — Он с испугом оглянулся на сестру.

— Ты посмотри... — очень осторожно проговорила она. — Ведь от Прыгалки оставалась лишь левая ножка. А тут следы от двух — от левой и правой...

Марко стремительно нагнулся над пластилиновым узором. Правда! Отпечатки двух ступней! От каждой — с полдесятка. Они тянулись так, будто девочка-малютка бегом пересекла пластилиновую площадку из угла в угол...

— Маричек... — шепнула Женя, и воздух от ее губ шевельнул его волосы на темени. — Девочка убежала...

Марко медленно выпрямился. Зачем-то тронул пальцем пластилиновый узор. Оказалось, что пластилин, который все эти дни упрямо не желал твердеть, сейчас застыл, как бетон.

— Убежала она... — повторила Женя. — Ожила, пока ты спал, и решила вернуться в свой город...

Пространство качнулось, белый город у подножья холма обступил Марко. Город с сотнями беззаботных девчонок и мальчишек, со стрекоучшим змеем над склоном холма. С девочкой, у которой золотые волосы и почти неразличимое, но очень славное лицо. И теплые тонкие пальцы... Девочка нагнулась рядом с Марко, провела пальцами по ожогу на ноге, и едкая боль сгладилась, почти пропала...

Женя снова прислонила его спиной к себе. Это была самая лучшая на свете сестра. Марко прижал к щеке ее веснушчатые пальцы...

— Жень... но ведь никто не поверит...

— Не поверит... — сказала Женя.

Все поверили.

И ребята, и Пек, и Володя. И даже директор Юрий Юрьевич Гнездо не стал возражать. Только покачал седой головой и сказал:

— Сей древний мир полон тайн и легенд. Будет одной больше...

Лишь Славка (то есть известная своим характером Мирослава Тотойко) дернула плечами, на которых топорщились пышные рукавички:

— Наверно, вы придумали это, чтобы Пеку интереснее писалась его повесть.

— Если бы и так, — отозвался Пек, — это была бы не самая плохая выдумка. Но история с Прыгалкой — правда. Свидетельство тому — окаменевший пластилин.

Да, пластилин и в самом деле окаменел. Похоже, что на веки вечные. Марко приделал к деревянной рамке проволочные дужки и повесил мозаику над топчаном. Будто картину. Когда вечерние лучи косо влетали в комнату, следы на узоре делались удивительно четкими...

Когда-нибудь друзья Пека подарят копию статуэтки (называется «реконструкция»). Если сумеют сделать...

Но копия керамической девочки и снимки ее будут сами по себе. А мозаика с эллинским узором останется висеть на стене. На ней — следы *живой* Прыгалки...

Последние выстрелы

Володя уехал. Сказал на прощанье:

— Жаль, не повидался больше с братиком Икирой. Но я напишу...

Прошло две недели. Незаметно так. Марко несколько раз ходил со Слоном под парусом на шлюпке. Слон был связным рыбацкой бригады — между берегом и уходившими далеко в лиманы баркасами. Однажды крепко потрепало неожиданно прилетевшим с берега ветром-степняком. Марко не дрогнул (по крайней мере, не дрогнул *внешне*). Слон смотрел на него с одобрением.

Иногда Слон спрашивал:

— Что слышать про нашего Икиру? Чегой-то скучно без него...

Марко два раза говорил с Икирой по мобильнику Пека. Рассказал всё, что случилось. Даже про сон о древнем городе и змее... Только про сон, где в Икиру попадает пуля, говорить не стал. Как-нибудь потом. А у Икиры были свои заботы, житейские. Он сказал откровенно (от кровки какие тайны!):

— Марко, знаешь, почему мы тут задержались?.. Да нет, с маминой печенью всё в порядке! Но она познакомилась в больнице с фельдшером дядей Костей. Он хороший такой, похож на Пека, только в очках и с бородкой... Лишь одно немножко плохо...

— Что? — сразу испугался Марко.

— Он хочет научить меня есть овсяную кашу...

— Ужас какой! — засмеялся Марко. И тут же испугался с новой силой: — Икира, а вы что? Со-

бираетесь остаться там насовсем?!

Тогда засмеялся Икира:

— Да нет же! Дядя Костя хочет перебраться в Фонари.

Ну, слава Богу! А то как без Икиры? Кто будет уменьшать летний зной, впитывая в себя лишнюю солнечную энергию...

И дядя Костя — это, наверно, хорошо. Потому что без отца что за жизнь?

Марко вот всё нетерпеливее ждет: когда же вернется домой штабс-капитан запаса Виталий Солончук. Вроде бы не так уж часто бывали они вместе, редко говорили по душам, у каждого хватало своих дел, а теперь — постоянное опасение: не случилось бы чего, не задержался бы... И мама с Женькой тревожатся...

Недавно пришло еще одно отцовское письмо. Даже с фотоснимком. Снимок вполне могли изъять на какой-нибудь заставе незаконные нюштинские цензоры, но проглядели. На карточке отец в полной офицерской форме, в фуражке с имперским львом, в ремнях и даже с саблей. Хотя, казалось бы, какие в наше время сабли!.. А может, отец прихватит ее с собой? Повесили бы крест-накрест с начищенной рапирой Марко. Если клинки не для войны, а для красоты, это совсем даже не плохо...

А война...

Хорошо, что штабс-капитана Солончука не сунули ни в какие заварушки. А то ведь там, на Севере, тоже бывает всякое. Империя, где нет императора, а правит какой-то непонятный Регент, не упускает случая поиграть мускулами на границах нордических областей...

Пока Икиры не было, лишние лучи никто не поглощал и лето не ослабляло зной. Сколько ни купайся, всё равно будто в духовке.

А еще приходилось торчать в очередях за продуктами, потому как военное время: перебой то с хлебом, то с крупой и макаронами. И даже с солью...

Среди мужчин уже всерьез ходили разговоры, что хорошо бы отыскать мину времен Второй мировой и однажды ночью подвести ее под ржавое днище «Полковника Думы».

— Психи, — сказал по этому поводу Пек. — Там же полным-полно ни в чем не виноватых ребят, вроде нашего Владимира. Не все такие, как те дегенераты в патруле...

Марко, до той поры думавший про мину с интелесом, словно окупился в холодную воду...

А потом всё вдруг кончилось.

В один день...

Взмокший Марко приволок из продуктовой лавки буханку, пачку сахара, банку китайской тушенки и во дворе попал в Женькины объятия.

— Маричек! Ну, наконец-то папа скоро будет дома!

— Он же писал, что «когда отменят военные ограничения»!

— Да отменили уже! В столице подписали соглашение, что теперь всё будут решать мирно! Передали по радио!

— Разве оно работает?

— Только что включили!

Мама вся светилась. Бензель помолодел и прыгал вокруг...

С залива долетали звуки рожков — на палубе «Полковника Думы» играли горнисты. Видимо, крейсер готовился поднимать якоря.

...Но оказалось, что командование крейсера не согласно с решением своего правительства. Или не полностью согласно. «Полковник Дума» поднял флаги Международного свода. Пек посмотрел в бинокль и разобрал сигнал. Что-то вроде «Мы еще вернемся и покажем...». Что они покажут, Пек переводить не стал.

— Вот испугали! Шишки кукурузные... — хмыкнул Кранец. Впрочем, он сказал не «шишки» и за это получил от Славки кулаком по шее.

В тот же момент воздух содрогнулся, чугунный гул прокатился над заливом и поселком. Одно из орудий крейсера выплюнуло синий дым.

«Полковник Дума» решил на прощанье показать жителям Тарханайской косы, какая он несокрушимая сила.

Стреляли, правда, не по улицам, а по пустырю у подножья Фонарного холма. Раз, второй...

Встали взерошенные дымные башни.

Кинулись в стороны перепуганные козы, которые привыкли пастись в этих местах, не ожидая беды.

Пустырь был виден со двора Тарасенковых, где собрались ребята, — через плетни и невысокие крыши. Башни разрывов медленно оседали.

— Козы-то чем виноваты? — плаксиво удивилась круглая Галка.

А Кранец подскочил, как резиновый.

— Там же Земфира! Она привязана!

Он выхватил из травы валявшийся мопед Пека.

— Стой! — заорал Пек! — Стой, дурак, убью! — (Или он крикнул «убьют»?)

Запросто могли убить. Жаль было рыжую телочку Земфиру, которая, в отличие от вольных поселковых коз, паслась привязанной к чахлому кипиловому деревцу.

Но еще страшнее было за Кранца. А он вскочил в седло и нажал на газ. Кто мог бы угадать в Кранце такую резвость?!

Кранец мчался по улицам, пугая кур и стреляя мотором. За ним неслись остальные. Кто на велосипедах, кто просто так. Пек ругался словами, которых раньше от него не слышали.

Раздался еще один двойной удар: выстрел — разрыв. Кранцу вместе с мопедом упасть бы в бурьян, а он прибавил газу. Всем другим тоже упасть бы, а они поддали скорости. Однако сильно отстали...

Впрочем, крейсер больше не стрелял.

Кранец бросил мопед на краю пустыря. Когда к этому месту подоспели Пек и ребята, Кранец уже вел Земфиру им навстречу. За спиной у него, угольно-черная в свете знойного солнца, оседала башня третьего разрыва. Было в этой картине что-то зловещее и героическое, как в кино «Бессмертные мстители».

— Убью, — жалобно сказал Пек (теперь уже точно «убью»).

Но убивать Кранца было не за что. Он снова совершил подвиг — никто не смог бы опровергнуть этот факт. Кранец тащил Земфиру на веревке. Та с перепугу (дитя еще!) упиралась и взлягивала. Кранец иногда заходил сзади и без лишней гуманности торопил бестолковую телку пинками...

Топка и Пиксель ухватили веревку и стали помогать Кранцу. Славка и Галка принялись целовать Земфиру в морду и уговаривать. Та поняла наконец, что все хотят ей добра...

Когда вышли на Маячную, навстречу метнулась бабка Александра. Он все видела издали. Теперь она одной рукой обняла свою любимицу, а другой обхватила за шею Кранца.

— Фимочка, золотце ты мое!..

Кранец вырвался и пропыхтел:

— Пошли, ребята...

И всё было бы хорошо, но через полсотни шагов на пути встала тетушка Кранца — похожая на сухой ствол акации тетка Ганна. Вышла из калитки. Ухватила племянника за полосатые штаны.

— А ну стой, паразит!

— Чё я сделал-то!.. — привычно заголосил Кранец.

— А кто усвистал из дому и печку на огороде не загасил, как надо?!

— Сгорит он, что ли, твой огород?! Ай!..

«Ай» — потому что тетка Ганна отцепилась от штанов Кранца, но ухватила его за ухо. Так удобнее и привычнее.

Летучая тень

— Я тебе покажу «сгорит»! Печка чуть не расплавилась! Новую где брать?! А ну, пошли, я тебе дома так уши наверхчу, будешь помнить до осени!..

— Пусти-и-и! Больно же!

— А для того и дерут, чтобы больно... — с удовольствием разъяснила тетка Ганна и за ухо поволокла Кранца к калитке. Второе ухо полоскало на ветру, как алый аварийный флаг.

Ребята возмущенно и сбивчиво закричали вслед. Громче и отчетливее всех прозвучал голос Матвейки Кудряша:

— Отпустите! Он же герой! Даже дважды герой!..

— А вот зараз будет трижды, — пообещала тетка, увлекая племянника в дом.

Сразу же из открытого окна донеслись визги и вопли:

— Пусти! Уй-я! Не крути! А-а-а!.. Я больше не буду! Тетечка, хватит!.. Ой, милая тетечка, прости!..

Матвейка выдернул из кармана рогатку. Не такую мощную, как у Икиры, но все же дальнобойную.

— Щас я сделаю ей звон, как на пожарном учении!..

Рядом с открытым окном было другое, с прикрытыми ставнями. На него и нацелился Кудряш.

— Не надо, хуже будет, — испугалась круглая Галка.

— Не будет. Стекла зазвенят, тетка обкакается, Кранец сбежит!..

Но Кранец сбежал до выстрела. Выскочил из открытого окна, погрозил ему кулаком и встал, прижимая уши к щекам. Галка и Славка подбежали, встали рядом — утешать. Глаза у Кранца были мокрые. Подошел Пек. Потрепал беднягу по белым от солнца вихрам:

— Древний мудрец Соломон говорил: «Все проходит!..»

— Я ей дракончика подпущу в корыто... — всхлипнул Кранец.

Все одобрительно молчали. Рыбка-дракончик в корыте — правильная месь...

Слон, который опоздал к событиям и подошел только теперь, сказал полные горькой правды слова. То ли свои, то ли из какой-то книжки:

— Даже герои беззащитны перед несправедливостью судьбы!..

Эти слова Пек вставил в последний эпизод повести, которую закончил через две недели.

Приехал отец. Саблю он не привез и был даже без формы, в своей потертой куртке и джинсах. Ну и не надо никакой сабли! Главное, что вот он, под родной крышей!..

Марко вспомнил младенческие годы, повис у отца на шее, потерял щекой об отросшую щетинку. Согнул исцарапанные и побитые ноги, поболтал ими в воздухе.

— Я там каждый день про тебя думал, — сказал ему в ухо отец.

«Я про тебя тоже», — чуть не ответил Марко. Но Икира, который никогда не врал, словно глянул издалики лиловыми глазами: «Ведь не каждый!..» И Марко сказал другое:

— Здесь было столько всего... всякого... Я тебе расскажу.

Сколько было «всякого», подробно изложил в повести «Неистребимое солнце» Никанор Кротов-Забуданский, он же Пекарь или Пек.

Он был талант — и по живости литературного стиля, и по быстроте написания. Прошло всего полмесяца после ухода крейсера, а повесть была уже готова.

Читали в хижине у Марко. Вернее читал Пек, а остальные слушали. На улицах поселка и на берегах был солнцепек. А здесь — прохладно, Потому что Марко отыскал на чердаке и с отцовской помощью починил большущий, похожий на корабельный винт, вентилятор. Жестяные лопасти гоняли по хижине ветер, он лохматил волосы и, кажется, досадовал, что нельзя трепать листы рукописи — «рукопись» пряталась в ноутбуке.

Народ слушал, приоткрыв рты. Лишь Марко привычно вытягивал губы в трубочку, и тогда Женя щелкала по ним пальцем: отвыкай от детской привычки.

В повести было про все, что случилось в этих местах весной и летом: и про крейсер, и про девочку Прыгалку, и про Володю, и про телескоп, и про обстрелы, и про ребячьи игры, и... про вечернюю грусть, которая иногда приходила к шестикласснику, вернувшемуся из столицы. Нет, Пек не написал про девочку Юнку прямо. Но было здесь загадочное письмо и похожая на холодный ветерок печаль... Женя опять щелкала брата по губам!..

Встречались в повести и всякие размышления. То история о том, как в разных краях появились и стали очень важными для ребят джольчики (ольчики, оло, холо, оловяшки, но-

лики). То рассуждения о конструкциях воздушных змеев и сходстве их с парусными судами. То о понимании, что каждый человек всегда — частичка своей земли. То о параллельных мирах, из которых иногда приходят к нам полупрозрачные гости. То о природе удивительных земных существ, которые называются «девочки и мальчики» и в некоторых людях живут до старости. То о нарушениях в развитии Вселенной, заставляющих людей не строить, а воевать. То о свойствах солнечного света и тепле человеческих рук... Рассуждения были не длинными и вовсе не скучными. Они казались частью событий. А события то вытягивались в причудливую цепочку, то прыгали друг за дружкой, будто ступеньки спиральной лесенки. Пек объяснил, что это называется «сюжет».

Многое в сюжете было известно и знакомо. Но Пек рассказывал о событиях так, что все видели их по-новому. словно через выпуклую линзу или разноцветные стекла: то апельсиновые, словно вечернее солнце или волосы незнакомой девочки; то бледно-зеленые, как лунное небо; то бирюзовые, как даль залива; то изумрудные, как пласты морской воды, сквозь которые легко разглядеть со скалы поросшие водорослями камни, полупрозрачных ленивых медуз, деловитых крабов, серебристых ставрид и снующих в подводной чаще морских коньков...

Все узнавали себя, друг друга и многих жителей поселка. И никто не спорил, Пек про всех написал без обид. Лишь Кранец в конце чтения вврдуг сказал:

— Неправильно это...

— Что неправильно? — испугался Пек.

— Не визжал я и не вопил «милая тетечка, прости, больше не буду!» Я орал «отцепись ведьма, а то пожалеешь!» А потом лягнул ее и выскочил в окно... И глаза не были мокрые...

Пек оглядел слушателей. Все помнили, как оно происходило на самом деле, и... все равно были на стороне Кранца.

И Пек признал:

— Да, здесь я увлекся и допустил авторский ляп. Прошу прощения... Сейчас... Он тут же сделал поправки на экране ноутбука, и жалобные слезливые крики Кранца превратились в гневные угрозы.

— Так правильно?

— Да... — улыбнулся надутыми губами Кранец.

И остальные сказали, что «да»...

Потом все пошли купаться. Только Женя осталась дома, помогать маме со всякими маринадами, да Славка исчезла. Ускользнула незаметно, даже Галке ничего не сказала...

Теперь, когда не стало крейсера, можно было не тащиться в Кривую бухту, а купаться у поселка, под обрывами. И компания двинулась к ближайшему спуску.

С высоты видны были рассыпанные по заливу баркасы, шаланды и катера. Никто больше не читал запретов рыбачьим бригадам.

Носились чайки, веял ощутимый ветерок с веста, смягчал жару.

На мысу, несмотря на яркий день, мигал маяк. Наверно, смотритель дед Казимир и бабка Лизавета проверяли аппаратуру.

Случилось так, что Марко и Пек оказались позади всех. Шли рядом. Пек повздыхал, глянул искоса и спросил:

— Ну... а что скажешь-то?

— О чем?

— Ну... о том, что я прочитал.

— Тебе же все сказали, что замечательно...

— Одно дело все, а другое — ты. Самый опытный читатель...

— Я тоже... По-моему ты Диккенс и Александр Грин вместе взятые... Одно только плохо...

— Что? — опять испугался Пек.

— То, что повесть лишь в ноутбуке. Только у тебя. Надо, чтобы она была у всех...

— У меня есть мини-принтер, но в нем кончилась краска. Вот раздобуду и сделаю распечатку. А потом пойду на почту, размножу на ксероксе. И подарю каждому... А Пиксель и Топка пускай сделают иллюстрации...

— Да! Только распишись на каждом экземпляре. Когда станешь нобелевским лауреатом, все будут гордиться твоими автографами. Показывать детям и внукам.

Пек пообещал:

— Вот как стукну меж лопаток, чтобы не молот языком... И чтобы не горбился. А то опять начал сутулиться, как бабка Лександра. Это что, от груза пережитых печалей?

Марко не хотел о печалях. Он хихикнул:

— Не надо, я больше не буду...

И оба разом вспомнили Кранца.

— Да, Ефим Левада сделал мне правильное замечание, — признался Пек. — Нельзя ради голого реализма жертвовать достоинством персонажа. И его внутренней сутью.

— Потому что бывает одна правда снаружи, а другая внутри. Та, которая внутри, главное. Да?

— Именно так, дорогой мой Марко Поло. Ты мудр... Даже несгибаемый Икира подтвердил бы, что Кранец прав...

— Жаль, что его не было сегодня. Все слушали, а он... Пек, ты почитай потом еще раз, когда он придет! И он послушает, и еще ребят позовем. И те, кто уже слышали, придут снова...

— Я почитаю... Всякий автор мечтает о популярности в читательской среде. Надо привыкать к всемирной известности...

— А все-таки жаль, что Икиры нет сегодня, — повторил Марко.

Пек замедлил шаги. И вдруг сказал:

— Марко, это я виноват...

— Ты?! Почему?

— Пора признаваться... Это я устроил, чтобы Икира с матерью уехал в Казанкой...

— Как это... устроил? — Марко тоже придержал шаги.

— Так... С печенью не было ничего серьезно, небольшой приступ. Но я попросил доктора Канторовича, чтобы он уговорил ее лечь в больницу...

— Но зачем?! Если ей это было не надо!..

— Чтобы Икира исчез из Фонарей...

— Ничего не понимаю, — обиделся Марко. — *Зачем?*

— Потому что я стал бояться, — глядя под ноги, сказал Пек.

Марко ощутил позвоночником холодок.

— Пек... чего бояться-то?

— Дело в том, что слишком предсказуемым сделался сюжет... Понимаешь меня?

— Нет, — раздраженно сказал Марко.

Пек положил ему руку на плечо.

— Не злись...

— Я не злюсь, но...

— Видишь, я начал писать повесть, и ожидалось в ней много интересного. Древние места, всякие события, характеры, опасности... Но вдруг стало казаться, что про все это я где-то уже читал. Или слышал... Приморские земли, военные споры, тупость взрослых агрессоров, опасности, дружба ребят, которая помогает им в трудные моменты. И среди этих ребят — самый ясный, каждым своим нервом отрицающий неправду и живущий солнечным светом... Понимаешь, Марко, всегда оказывалось, что такие мальчики обречены.

Марко ахнул про себя, но спросил шепотом:

— Почему?

— Потому что не боятся... или почти не боятся смерти. Считают, что в любом случае они — час-

тичка этого мира. Один из его лучей. А если и бояться, то все равно... кидаются первыми, чтобы защитить друзей, правду, маму, свободу... и ловят пулю... Я даже стал видеть сны...

— Белая улица и рана в плече? — хриловато спросил Марко.

— Ну вот... Значит, и ты?

Марко молча кивнул.

Пек нервно сказал:

— Теперь понимаешь... Значит, это и правда могло случиться. И что потом? Толпа у церкви, слезы, венки с вплетенной в хвою травкой-икирой... Обещания: «Мы отомстим»... Ракушечный обелиск над морем. Легенды про смелого солнечного мальчика. И как в старой повести о храбрых ребятах:

Летят самолеты — привет Мальчишу,

Плывут пароходы — салют Мальчишу...

А теперь смотри. То, что здесь происходило, было моей повестью. Ну, в какой-то степени... Так мне казалось... Будто я отвечаю за сюжет. Разве я мог допустить такой конец? Чтобы обелиск и салюты-приветы с неба и с моря... Я решил убрать этого мальчика подальше, пока не кончу писать. Икира-то нам нужен живой...

«Ох как нужен!» — стрункой-болью отозвалось в Марко.

Но будто сам Икира оказался рядом и глянул, требуя справедливости: «А разве другие не нужны?»

— Пек, а другие... — почти через силу выговорил Марко. — Тот же Кранец... Тогда, у школы... пуля могла попасть в него...

Пек вдруг засмеялся. Словно отбросил все страхи.

— Нет! У Кранца другая судьба...

— Какая?

— Мне кажется, он будет жить долго. Правда, ему предназначено всегда быть неудачником, но ведь бывают счастливые неудачники...

Марко ссутулился от мгновенной боязни, но не выдержал, спросил:

— Пек, а я?...

— Что ты?.. А! Я думаю, ты тоже будешь жить долго. И, наверно, построишь свой клипер... или что-то похожее на него. Только это случится в другие времена. Если они наступят...

— А они наступят?

Пек сказал:

— Будем стараться...

Они купались долго. Заплывали на глубину, возвращались, прыгали со скал, гонялись друг за другом, охотились за морскими коньками (без успеха, конечно), выскакивали из воды и падали животами на горячую гальку. Солнце жарило, а западный ветерок размахивал над берегом прохладным полотнищем...

Марко лежал, лежал и вдруг понял, что ему хочется побыть вдали от всех. Так, без всякой причины. Встал, пошел вдоль воды. Оказался на знакомом месте — у развалин, где когда-то встретился с Володей. Побрел вдоль ракушечной стенки в сторону обрыва. Но брел недолго, сел на стенку спиной к солнцу, сунул ступни в сухие мочалки водорослей и прикрыл глаза.

«Сюжеты... Да, хорошо, что Пек догадался отослать Икиру...»

Так он сидел.

Потом ощутил позади и чуть в стороне шевеление. Вернее, легкий скачок.

Марко не стал смотреть: кто это? Глянул перед собой. Он увидел на солнечной гальке свою тень, а рядом — еще одну. Тонконогую, с длинными разлетевшимися волосами и веревкой в разведенных руках.

— Ты кто? — осторожно спросил Марко.

— Я Славка, — с легким вызовом сказала тень. — А ты думал, кто?

Марко оглянулся. Славка стояла на стенке в шаге от него, босая, в невесомом своем платьице с пышными рукавами-крылышками. Смотрела на Марко с высоты. Белые пряди то взлетали, то падали на лицо.

Марко сказал, глядя вверх через плечо:

— Никогда не видел тебя со скакалкой. Другие девчонки то и дело скачут, а ты — никогда...

— Потому что не любила... да и не умела до сих пор.

— А сейчас научилась?

— Пришлось... — она прыгнула разок через веревку. Неловко, но независимо. Поморщилась.

— Сядь, — попросил Марко. И даже подвинулся, хотя места на стенке было сколько угодно. Славка соскочила и села в полуметре от Марко. Он подумал и спросил:

— А правда, что ты читала толстенную книгу «Сага о Форсайтах»?

— Откуда ты знаешь?

Врать совершенно не хотелось.

— Но... ты ведь заглядывала в мой формуляр.

И... брала то же, что я...

— Кто тебе сказал?!

— Кто сказал — не скажу...

— А я знаю!.. Вот поймаю этого болтуна. Не посмотрю, что самый коричневый...

— Не надо, — попросил Марко. — Он догадается, что я проговорился, а я не хотел. Это нечаянно...

— Ладно, не буду... — кивнула Славка. И призналась: — Я только начала читать и отложила. Она совсем для взрослых... Ты ведь уже в седьмом классе, а я в шестом...

— Я тоже отложил...

— Правда? — обрадовалась она. И вдруг сказала: — Конёк...

— Что? — Он удивился, но не очень.

— А... можно я буду говорить тебе «Конёк»?

— Говори... если хочешь...

Они помолчали, и Славка насупленно выговорила:

— Я знаю. Ты думаешь, я занялась прыгалкой из-за той глиняной девочки...

— Я не думаю... А из-за кого? Из-за чего?

— Я скажу. Только не сердись.

— Ладно...

— Помнишь, я нечаянно прочитала письмо твоей знакомой... Юнки?

«Еще бы не помнить!»

— Ну и что?

— Она писала, что тренируется с прыгалкой, чтобы не болело плечо. А я... ну, здесь такое совпадение. Не думай, что я сочиняю...

— Не думаю... Какое совпадение?

— В детском садике еще было. Я упала, ударилась о край песочницы. С тех пор плечо нет-нет, да заболит. На рентгене просвечивали несколько раз, говорят ничего нет. Компрессы всякие делали... Иногда очень долго боль не чувствуется, в потом опять...

— А сейчас? — Марко вспомнил, как неуклюже Славка скакнула на стенке.

— Сейчас...

— Говори честно, — велел он.

— Немного...

— Сядь ближе.

Она придвинулась. Приоткрыла губы и смотрела сквозь пряди. Глаза были золотисто-коричневые...

Марко тронул пальцем белое кружево рукавчика:

— Отцепи это оперенье.

— А... зачем?

— Надо.

Славка отстегнула рукавчик, уронила себе на колени. И смотрела всё так же — вопросительно, однако без боязни.

Загорелое, со светлой полоской, плечо торчало
беззащитно и доверчиво.

— Сиди тихо, — велел Марко.

— Я... тихо.

Марко подержал ладони у щек. Ощутил в них
шекожущее дрожание. Положил правую ладонь
Славке на плечо, а пальцы левой осторожно
прижал к тоненькой, как у Икиры, ключице.
Под ней толкнулся пульс — живой, будто божья
коровка.

С минуту они сидели молча, словно слушали
струнку друг друга.

— Болит? — шепнул Марко.

— Нет... больше не болит.

— Честно?

— Да...

— Вот и хорошо.

Это ведь и правда хорошо, когда челове-
ческих болей на свете хоть на капельку становит-
ся меньше.

21.08.09 — 23.10.09